

Елена Топильская

ДВЕРЬ
В ЗЕРКАЛО

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Леди-детектив (Вече)

Елена Топильская

Дверь в зеркало

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)

Топильская Е. В.

Дверь в зеркало / Е. В. Топильская — «ВЕЧЕ», 2025 — (Леди-детектив (Вече))

ISBN 978-5-4484-5423-3

В книгу вошли два остросюжетных романа с разными героями, разным местом действия и особой детективной интригой, но объединенные тем, как глубоко и изощренно прошлое проникает в настоящее и даже будущее. Первый из них — «Испанская ночь» — о том, как в середине XX века крохотным европейским государством Андоррой недолго правил русский эмигрант — и этот исторический факт странным образом вмешался в жизнь наших современников. Коррупция, международный авантюризм, тайны внешней разведки — все это сплелось в тугий узел, в центре которого оказался рядовой следователь Михаил Иванов. Еще вчера он спокойно расследовал дела об экономических преступлениях в Санкт-Петербурге, а сегодня ему предстоит в одиночку в чужой стране найти похищенную невесту испанского тореадора и уйти от преследования мафии. Что общего между таинственным правителем Андорры и следователем Ивановым? У них один враг... Во втором — «Дверь в зеркало» — молодой следователь Антон Корсаков боится признаться, что в старинном зеркале на месте происшествия видел призрак женщины. Но оказывается, что не ему одному являлась эта таинственная незнакомка, и те, кто ее видел, погибают. Корсаков и не подозревает, что зловещая дама, старое зеркало и загадочные смерти тесно связаны с историей его собственной семьи. И никакой мистики...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5423-3

© Топильская Е. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Испанская ночь	7
Часть 1	7
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	7
Россия, Ленинград – Санкт-Петербург, 1990–1993 гг	8
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	9
Россия, Санкт-Петербург, 1991–1993 год	11
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	16
Россия, Санкт-Петербург, 1993 год	18
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	21
Россия, Санкт-Петербург, 1993 год	22
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	27
Россия, Санкт-Петербург, 1993 год	29
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	35
Россия, Санкт-Петербург, 1995–2000 год	38
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	43
Россия, Санкт-Петербург, 2000–2002 гг	46
Испания, Коста Дорада, июль 2002 года	53
Россия, Санкт-Петербург, июль 2002 года	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Валентиновна Топильская

Дверь в зеркало

© Топильская Е.В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Испанская ночь

Часть 1

«Я, следователь Иванов...»

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

На часах было двенадцать, и, проснувшись от жажды, я некоторое время соображал, по Москве это или время испанское. Не пришел ни к какому выводу и засобирался на пляж.

Войдя в тесный зеркальный лифт, я вынужденно уперся взглядом в свое помятое и небритое отражение и содрогнулся. Нет, на пляж, на пляж.

На пляже я с трудом нашел незанятый клочок песка и аккуратно расстелил утащенное из номера купальное полотенце. Лег на живот и, хотя в висках еще отзывалось похмелье, стал оглядываться в поисках девы, которая скрасит мое одинокое пребывание на курорте. Но постепенно отвлекся и задремал. Сквозь дрему я водил пальцами по бежевому сияющему песку, слушал шлепанье мячей, детские возгласы на тарабарских языках, шорох волн и думал о том, что если бы у меня была возможность на свои кровные заработанные хоть раз в год отдохнуть на таких пляжах, то я, наверное, перестал бы напиваться до икоты, не кричал бы на свидетелей, сделал карьеру, по-человечески стал относиться к матери и, может быть, даже женился.

На спину мне упала горячая капля, и я вздрогнул. Надо мной стоял черноглазый кудрявый малыш с надувным кругом, с него капала на меня вода. Заметив, что я пошевелился, малыш картаво крикнул «Сорри!» и, взрывая пятками песок, умчался к морю. А я протер глаза и сел, сонно оглядываясь.

Народу на пляже стало меньше, – наверное, наступило обеденное время. Поскольку мне обед не полагался, я поплелся к морю и нырнул в серо-голубую воду. В тот же миг меня охватило такое блаженство, что захотелось заплакать. Вокруг люди плавали как-то организованно – соревновались на скорость кроля, сосредоточенно гребли на надувных матрасах, отнимали друг у друга яркие мячики. А я, забывшись, молотил руками по воде, нырял и подпрыгивал, и даже орал какие-то бессмысленные кличи в телячьем восторге. В общем, вел себя как идиот, но, как ни странно, прочим отдыхающим не было до меня никакого дела, они даже не смотрели в мою сторону.

Выпустив пар, я обессилел и лениво поплыл к берегу. Не хотелось покидать это ласковое море с шелковой водой, но в то же время манило расстеленное полотенце. Я брел по мелководью, ощущая, как от усталости подгибаются ноги, но мне все равно было хорошо.

Вот и подстилочка моя; я рухнул, зарывшись локтями в песок, подставил щеку солнцу – и похолодел: из гостиницы выходили карабинеры, или как их там называют в Испании? В общем, brave ребята с надписью «Policia municipal» на голубых форменных рубашках. Один из полицейских вертел в руках какую-то бумажку, – мне с перепугу показалось, что это фотография, и не чья-нибудь, а моя, и озирался по сторонам. Сначала я вжался в песок, очень хорошо понимая страусов, но тут же понял, что долго так пролежать на виду не смогу, у меня просто сердце разорвется, и медленно, стараясь не привлекать внимания, потащил свое полотенце за лавочку с пивом и мороженым, стоящую прямо на пляже.

Мне показалось, что прошла вечность, когда я осмелился поднять голову и выглянуть из-за мусорного бака. Полицейских не было и в помине. Я вытер со лба холодный пот и сел.

Сколько раз за свою следственную жизнь я объявлял подозреваемых и обвиняемых в розыск, с легким сердцем подмахивая нужные бумажки. И никогда не задумывался, каково это – ходить по улицам, каждую секунду ожидая, что тебя узнают, и суровый страж закона, не церемонясь, пролает: «Пройдемте, гражданин»...

Сердце у меня все еще трепыхалось так, что я вряд ли смог бы подняться без дрожи в коленках. О том, чтобы идти в гостиницу, не могло быть и речи, поэтому я уселся поудобнее, обхватив себя за плечи, и подумал, что самое время понять, как я здесь очутился, и решить, что делать дальше.

Россия, Ленинград – Санкт-Петербург, 1990–1993 гг

Вообще-то я всегда хотел стать нотариусом. Но в девяностом году, когда я оканчивал юрфак нашего университета, в нотариат при распределении ссылали, как в Сибирь, двоечников и врагов народа. Считалось, что это скучно, народ рвался в прокуратуру, на передний край борьбы с преступностью.

В адвокаты распределиться было заманчиво, но для простых смертных нереально. Из нашей группы в адвокатуру попал один Виталик Жигулев, и не только благодаря папе – заместителю председателя областной коллегии адвокатов, но и благодаря тому, что на последнем курсе поспешно женился на Жене Татаренко, и мы все шутили, что для верности ему надо было взять ее фамилию. Для тех, кто понимает – в девяностом году Сергей Васильевич Татаренко работал начальником ленинградского Управления Комитета госбезопасности.

Женька, кстати, была компанейской девчонкой, с длинными ногами и солидными формами, всегда при деньгах, часто угощала всю группу в пивном баре на Среднем проспекте, только домой не приглашала, но мы понимали и не обижались. Правда, группа обалдела, когда обнародовали дату бракосочетания; у Женьки ведь был бурный роман с нашим плебоем Игорем Васнецовым, по-моему, она даже сходила от него на аборт, но бросать его не собиралась. Игореха выглядел как голливудский герой второго плана, одевался в дефицитные и дорогие шмотки, и проходил в любые бары, интимно обещая преграждавшему путь швейцару: «Я – (мхатовская пауза) – денег дам...»

Это сейчас я понимаю, что папе-комитетчику нафиг не нужен был такой зять: фарцовщик и завсегдатай «Белой лошади». А тогда я искренне считал Васнецова мечтой любой женщины, а стало быть, и любого потенциального тестя, и не ожидал, что Женька окажется такой послушной дочерью и покорно выйдет за рыхлого и неуклюжего Виталика... На аристократической свадьбе мы, конечно, не были, но девчонки потом смаковали фотографии, на которых Женька в шикарном платье, прямо Клаудиа Шиффер, с отвращением целовалась с низкорослым Жигулевым, которого не спасал даже импортный костюм из закрытого распределителя.

А Виталик, кстати, адвокатом побыл недолго и через два года ушел в нотариат. Помнится, я, узнав об этом, тихо ему позавидовал. Но чисто платонически, поскольку сам уже распрощался с мечтой юности и с энтузиазмом вкалывал в районной прокуратуре.

Тоже смешно; ведь было, было место в нотариате, а я, дурак, на распределении постеснялся туда попроситься, потому что сзади сидела Галка Мартон, которая как-то сказала, что в нотариусы идут одни умственные импотенты. И что я за идиот был, что вспомнил про это дурацкое заявление и ляпнул, что хочу в прокуратуру?.. И ведь Мартон мне даже не нравилась, но я вечно так – очень завишу от мнения окружающих. Даже в метро до недавнего времени стеснялся вскочить со своего места, если вдруг обнаруживал, что чуть не пропустил свою остановку, но еще успеваю выбежать до закрытия дверей. Так и сидел, приговаривая про себя – ну и пусть, выйду на следующей, только бы никто надо мной не хихикал, что вот, мол, сидел лопух, мечтал и спохватился, побежал к выходу...

Вот так и попал. На стажировке мне очень понравился гражданский надзор, но им заниматься мне не дали, воткнули на следствие. Я поработал, втянулся; прикольно было поначалу ездить на происшествия, дежурить по городу... Но мне больше нравилось, когда происшествий не было, и мы с экспертами на дежурстве резались в карты. Да и от вида выпущенных кишок меня подташнивало.

Помню, как-то на втором году работы, стоя в очереди на амбулаторную экспертизу, я подслушал разговор двух молоденьких стажеров. Собственно, я к их щебету и не прислушивался особо, а просто вдумчиво обеих разглядывал, прикидывая, у кого ноги длиннее и грудь больше. И в тот момент, когда уже определил для себя, с кем из них я был бы не прочь сходить в кино, вдруг услышал: они возбужденно обсуждали первую неделю работы на следствии. Одна, лопааясь от гордости, тараторила: «Представляешь, Машка, меня уже взяли на убийство! Там на месте происшествия было столько крови, что мне пришлось джинсы подворачивать!» А вторая, изнывая от зависти, отвечала: «Везет тебе! А меня пока только на строительную травму наставник возил. Но тоже ничего – там рабочего упавшей стеной сплющило как блин, одна голова осталась»... Услышав это из их нежных ротиков, я сплюнул и отвернулся. В кино мне с ними расхотелось.

Так что я с расследования убийств да изнасилований как-то плавно перетек на хозяйственные дела. Конкурентов у меня не было, всем хотелось кровавых драм, на возню со скучными хищениями и злоупотреблениями охотников не находилось. А я с удовольствием возился с ревизорами, вникал в длинные акты и бухгалтерские отчеты, чихал над пыльными томами. Научился разбираться в накладных, в путевых листах, в авизо, отличал дебет от кредита и на ночь стал почитать «Судебную бухгалтерию». Получал неплохую зарплату, для солидности сшил себе форму, изредка спал с девчонками из других прокуратур и считал, что все у меня в жизни хорошо.

И на третьем году работы судьба впервые столкнула меня с Барбароссой.

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Вечно сидеть на пляже было невозможно. Я и так уже торчал тут как бельмо на глазу, мешая пожилому испанцу собирать освободившиеся лежаки и тенты.

Но ноги отказывались нести меня в гостиницу. Несмотря на то, что умом я понимал – так быстро арестовать меня не могут, тем более на территории другого государства, бумажная волокита займет не меньше трех месяцев, а то и полугодя, – ужас прочно поселился у меня под солнечным сплетением. Умом-то я понимал, но все равно обливался холодным потом.

А в гостинице оставались мои вещи, а главное – невеликая наличность, выданная мне Жигулевым как аванс, на первое время, пятьсот долларов. Когда он отсчитал мне пять шершавых бумажек, я, помнится, подумал, что это целое состояние. Теперь, когда я не знал, сколько времени и как мне придется существовать на эти деньги, полтыщи баксов казались мне ничтожной суммой, таявшей на глазах. Тем более, что часть я потратил в самолете, ощущая себя Крезом, которому ничего не стоит купить флакончик виски и тут же его употребить. Евро пока держался почти один к одному с долларом, но какой-то незначительный процент я все равно потерял на обмене. Энная сумма была оставлена накануне в баре, и на руках у меня имелось всего четыреста евро.

Наконец я собрался с духом, выждал, пока холл гостиницы опустеет, и проскользнул мимо улыбчивой испаночки за стойкой в ресепшене, воспользовался тем, что она отвлеклась на телефонный звонок. Нажав кнопку лифта, я уже переводил дыхание, как вдруг боковым зрением увидел: девушка положила трубку и с улыбкой обратилась к кому-то, кто был спрятан от меня за колонной. Тот, кому предназначалась улыбка, вышел из-за колонны, и я снова обмер: это был полицейский, только в белой рубашке и с надписью «Policia local» над карманом. В

руке он вертел какую-то цветную бумажку. Заметив, что я смотрю на него, как кролик на удава, не в силах отвести глаз, он подмигнул мне и неожиданно протянул бумажку.

– Русия? – спросил он.

Я машинально кивнул и ощутил, как присох к гортани язык, ставший шершавым от ужаса.

– Коррида? – продолжал полицейский.

Я снова кивнул как попка, начиная осознавать, что если бы он ждал именно меня с целью увести в кутузку, то не заигрывал бы со мной и не улыбался бы так. А впрочем, кто их, буржуазных полицейских, знает? Может, у них так принято, и тебе еще стаканчик поднесут перед тем, как свергнуть в узилище...

Передо мной распахнул двери лифт. Я помедлил, решая, стоит ли мне подниматься в номер в присутствии полицейского, и эти секунды моего промедления полицейский использовал на то, чтобы перегнуться через стойку ресепшена и сунуть мне в руку бумажку. Я сжал глянцевый листочек в кулаке, судорожно кивнул полицейскому и шагнул в лифт.

Только в номере я почувствовал себя в относительной безопасности, решив, что если полиция начнет ломиться ко мне и требовать сдать, я буду настаивать на вызове российского консула. Пока он доедет сюда, на Коста Дорада! Может, я успею сбежать за это время.

Вспомнив, однако, что дверь номера открывается не ключом, а пластиковой карточкой, и что эти карточки программирует компьютер и может за минуту наклепать хоть десять, хоть двадцать таких универсальных ключей – стало быть, ломиться никто не будет, они просто откроют двери, – я поставил замок изнутри на стопор и бросился ничком на кровать. Переехать в другую гостиницу – не поможет; сведения о постояльцах вносятся в компьютер, и полиция при желании легко меня разыщет.

А впрочем, в турфирме, где куплена моя путевка, есть сведения о гостинице, в которую меня поселили; тут меня найти легко. А если я поселюсь в другой гостинице, не снимаясь с учета здесь, вряд ли меня будут искать где-то еще. Да и потом, сомнительно, чтобы у всех гостиниц Испании была единая компьютерная сеть. Я поставил себя на место тех, кто разыскивает меня: раз я официально не съехал отсюда, зачем искать меня где-то в другом месте? Поставить тут засаду и ждать, вот и все дела.

Я вскочил с кровати и стал лихорадочно собираться, запихивая в спортивную сумку свои футболки и еще мокрые плавки. Мне мешал скомканный листочек, который я обнаружил у себя в кулаке. Надо же, я как схватил презент от полицейского, так и таскал его в руке, измаяв до невозможности. Присев на корточки перед сумкой, я расправил листочек. Он оказался маленькой афишкой, приглашающей на корриду. Стояла дата – двадцать шестое июля; и, очевидно, день недели – «domingo», что явно означало воскресенье. Под картинкой, изображающей тореадора в единоборстве с быком, шли одна за другой три фамилии. Одна из них показалась мне знакомой. Точно, это имя я слышал в офисе у Жигулева, когда тот разговаривал с Испанией по телефону в моем присутствии. И место, где должна проводиться коррида, Жигулевым тоже упоминалось. Точно, он сказал неизвестному мне собеседнику по телефону: «До Таррагоны оттуда рукой подать, двадцать минут на такси, а в следующее воскресенье Хуан Марин как раз выступает на арене Таррагоны».

Спасибо полицейскому; в моем положении мне приходится хвататься за соломинку. Но в другой гостинице снять номер все же придется.

Я подумал, что если меня арестуют в Испании, где я никого не знаю, то это будет не так позорно. Единственное, что беспокоило меня больше всего, – как объяснить все матери. Перед отъездом я позвонил ей и сказал, что уезжаю отдыхать в Испанию по путевке. Но отдых по путевке не может длиться месяцами, через две недели мать забеспокоится. И что тогда? По опыту знаю, что вопросы экстрадиции решаются не так быстро, как хотелось бы следователям.

Придется сидеть в испанской тюрьме, ожидая отправки в Россию; познавательного, конечно, но это не предел моих мечтаний.

Стоп! Я сел на кровать и уставился в стену, на которой висела репродукция картины Клода Моне; так на ней, во всяком случае, было написано. С чего я взял, что меня ищет испанская полиция? Мне ведь никто об этом прямо не сказал. Хуже, если меня ищет Барбаросса. Хотя я не поручусь, что испанская полиция не работает на Барбароссу. Если уж на него работают начальники Управления по расследованию особо важных дел прокуратуры Санкт-Петербурга...

В любом случае участь моя незавидна. Одна надежда, что девушка-портье пока еще относится ко мне, как к добропорядочному туристу, не замеченному ни в чем гадком. Быстро покидав в спортивную сумку свои небогатые вещи, я окинул номер прощальным взором, вздохнул отчего-то по красивой курортной жизни, так и не дождавшейся меня, и вышел в коридор. В конце концов, «domingo» это уже завтра.

Россия, Санкт-Петербург, 1991–1993 год

Так вот, моя первая встреча с великим и ужасным Барбароссой состоялась, когда он был уже великим и ужасным, а я – еще никому не известным районным следяком с погонями юриста 2 класса (мог бы к этому времени быть юристом 1 класса, но пропустил очередной классный чин из-за взыскания: был застукан нетрезвым на дежурстве по городу, отмечал с операми день уголовного розыска).

Мы были почти ровесниками, но в социальном смысле нас разделяла пропасть. Пока я учился на юрфаке, Барбаросса зарабатывал себе авторитет в криминальных кругах мелкой фарцовкой в Гостинке. Не то что бы я его за это осуждал, – мол, я весь в белом, а он из тех, кто мешает нам жить; строго говоря, я и сам по молодости лет был не чужд некоторой коммерции, но об этом позже. Потом от мелкой фарцовки он перешел к спекуляции в особо крупных размерах: гонял в Грузию грузовики, доверху груженные сигаретами «Мальборо». Здесь пачка «Мальборо» стоила рубль пятьдесят и не всем была доступна, а в Грузии – двадцать пять рублей. Выгода была очевидна, Барбаросса очень быстро стал подпольным миллионером, правда, потерял двух самых близких друзей, застреленных конкурентами, но сам уцелел.

Пока я служил в армии, Барбаросса все-таки присел за спекуляцию, за счет чего свой, и без того уже немаленький, авторитет существенно укрепил. Но просидел недолго – поскольку отменили уголовную ответственность за спекуляцию, объявив ее предпринимательством, и Барбаросса вышел из тюрьмы под звон фанфар, полностью реабилитированным и готовым к новым свершениям.

Впрочем, почему Барбаросса? Крутов Денис Иванович, уважаемый и влиятельный человек. Когда я уже работал следователем, он как-то незаметно стал здороваться за руку с депутатами Госдумы и мелькать в светской хронике. И я даже запомнил его фамилию и благородное одухотворенное лицо. А подробности его трудовой биографии узнал, когда в девяносто третьем году мне поручили дело о даче взятки сотрудникам ОБХСС в самом модном ресторане города.

По-моему, ОБХСС тогда еще так назывался; или уже нет? В каком же году его отделы по борьбе с хищениями собственности переименовали в нейтральные органы борьбы с экономическими преступлениями? Кто ж теперь вспомнит...

В общем, молодые сотрудники этого самого отдела потащились зачем-то в самый модный ресторан города, принадлежавший, естественно, самому модному мафиозо – господину Крутову. Правда, тогда еще господами никого не называли, как говорил незабвенный Шариков – «господа все в Париже»...

Старые опытные зубры борьбы с хищениями собственности этот ресторан обходили стороной, поскольку знали, что соваться туда не просто бесполезно, а даже и небезопасно. Кое-

кто пробовал – и был поставлен на место. А особо отчаянные борцы с хищениями и злоупотреблениями поплатились своими золотыми местами в БХСС, где сладко пили и вкусно ели на фоне тотального дефицита. Это я цитирую стишок, вкратце излагавший структуру МВД:

Вечно хмур и озабочен
Впереди участковый уполномоченный.
А за ним идет ОУР¹,
Вечно пьян и тоже хмур.

А за ним – БХСС,
Сладко пьет и вкусно ест.
А за ним идет ГАИ,
Тоже ест и пьет не на свои.

А за ним идет ОВО²:
Морда – во
(*тут полагалось развести руками*),
А глазки – во
(*а тут – изобразить две булавочные головки*).

А за ними следотдел,
Весь в пыли от кипы дел,
Изучает УПК³
За бутылкой коньяка...

В общем-то, работая в ОБХСС, можно было совершенно законно затариваться очень дефицитными продуктами и шмотками. Они же постоянно проверяли торговые точки, их там знали в лицо и по имени; и если опер БХСС заглядывал в магазин, ему непременно предлагали отовариться. В мясных магазинах, скажем, тогда на прилавках лежали одни кости, а жена одного из наших районных бэхов⁴ мне как-то похвасталась, что давно уже делает котлеты из свинной и говяжьей вырезки. Я же с бэхами общался чаще, чем с уголовным розыском, дома у них бывал, они, если хотелось выпить, чаще по домам собирались, чем в кабинетах за шкафом, не в пример уголовке. Ребята все были как на подбор, тогда БХСС считался в милиции элитой, белой костью. Если «земельные» опера⁵ бегали за бомжами, по пьяни замочившими какую-нибудь местную проститутку, то в отделах по борьбе с хищениями собственности заседали могучие интеллектуалы, и в клиентах у них ходили приличные люди в хороших костюмах. Бились не на кулачках, а на цифрах.

Конечно, за все дефициты они платили, но без переплаты, по госцене, и вырезка из-под прилавка в конечном счете обходилась не дороже, чем лежащие на прилавке засохшие огрызки мяса. Нет, были ребята, которые не платили, но они, как правило, рано или поздно садились сами – за взятки или злоупотребления.

Так вот, вернемся к крутовской теме. Эти самые молодые сотрудники, все мои кореша по совместной работе в районе, а троих из них я знал еще по студенческому комсомольскому

---

¹ Отдел уголовного розыска.

² Отдел вневедомственной охраны.

³ Уголовно-процессуальный кодекс.

⁴ Жаргонное наименование сотрудника ОБХСС.

⁵ Оперуполномоченные уголовного розыска из районных подразделений, обслуживающие конкретную территорию – «землю».

оперотряду, в количестве восьми человек пошли в модный ресторан «Туз пик» проводить контрольную закупку. Уж как они проникли в ресторан, я не знаю, тогда это было проблемой даже для сотрудников БХСС. А тем более в «Туз пик». О, какое это было модное место! Именно там, впервые в нашем городе, появилось варьете. Девушки полуголые под зажигательные ритмы зарубежной эстрады поднимали ноги... Посетители чувствовали себя почти в Париже. Сходить в «Туз пик» значило приобщиться к шикарной жизни. За билеты в это варьете спекулянты драли в десять раз дороже, до тех пор, пока в городе не пооткрывались кооперативные кафе с эротическими программами. Вот тогда «Туз пик» как-то увял, не выдержал конкуренции.

Я один раз туда попал еще в девяносто первом году, когда ухаживал за очень манерной девочкой, нашей новой помощницей прокурора по гражданскому надзору. Она у нас недолго проработала, быстренько упорхнула в городскую прокуратуру, но за то время, что у нас стажировалась, способная девочка умудрилась перессорить всех мужиков. Даже наш немолодой и лысый прокурор как-то, смущенно улыбаясь, попытался назначить ей свидание, но ухватив глазом изумленно поднятые бровки, свернул тему. В общем, я тоже купился на ее высокий рейтинг и приударил, в меру своих возможностей, которые, честно сказать, не поражали.

Нет, я сам себя считал парнем хоть куда – по утрам в ванной комнате, когда брился старенькой бритвой; собственное доброе лицо в зеркале иногда даже казалось мне волевым, если я хмурил брови. Ну, отрастил немножко пузцо... Подумаешь; а в костюме и незаметно. Ну, рубашки ношу неглаженные: лень. Простирну, повешу на плечики – и ничего, опять же, под костюмом не видно. Ботинки старые уже, страшные – ну так я весь день сижу в кабинете, спрятав ноги под столом. А по дороге домой тебе в метро так отдают ласты, что новые ботинки с ходу станут старыми, и зачем тогда тратиться?

Ну вот, сидели мы как-то в обед в канцелярии, пили чай, и мужики наши хлестались перед этой самой Настей почем зря. Уже не помню, кто первый заговорил про варьете – мол, единственное место, где варьете стоит посмотреть, так это гостиница «Виру» в Таллине (тогда еще Таллин писался с одной буквой «н»). Все стали горячо соглашаться, как будто только и делали, что ходили по варьете. А я возьми да и ляпни – да ничего особенного в «Виру» не показывают, у нас в «Туз пик» варьете ничуть не хуже.

Настя сразу на меня заинтересованно посмотрела, и я вдохновился. Небрежно спросил: как, неужели она ни разу не была в «Туз пик»? Ну тогда в эту субботу я ее веду в варьете. Мужики уважительно крякнули и тихо разошлись с чаепития.

Как только обед кончился, я подхватился и поскакал в ОБХСС. Прибежал к начальнику и сказал, что мне позарез необходимо в субботу попасть в «Туз пик». Начальник присвистнул, стал набирать какие-то телефонные номера и с третьей попытки договорился, что билеты для меня будут оставлены на входе. Но за это стряс с меня две карточки на раскрытие по делам о взятках, по которым обвинение еще не было предъявлено, то есть карточки выписывать было рано.

Этот «Туз пик» обошелся мне в такую копеечку! Для начала мне пришлось купить пиджак и ботинки, поскольку я на тот момент располагал только синим костюмом, пошитым из форменной прокурорской ткани. Тогда все так делали – получали материал на форму и шили из него гражданские костюмы, а девицы – платья. Нам давали еще и материал на летнюю форму, белый, а иногда бежевого цвета, так наши дамы умудрялись строчить из него летние сарафаны и даже халаты.

Синий габардин был хорош тем, что практически не мялся, но очень быстро начинал лосниться на засиженных местах, поэтому идти в синем костюме в такое богатое место было не комильфо. Поскольку у меня имелись еще довольно приличные черные брюки – что называется, на выход, я их обычно надевал с импортным свитером, приборахленным на распродаже, – пришлось раскошелиться на черный пиджак (купленный также не без помощи БХСС). Да и ботинки заодно прикупил, отчаянно выбившись из бюджета. И все равно, сняв со своей дамы

пальто в гардеробе ресторана, я понял всю безнадежность своих домогательств. На Насте было та-акое вечернее платье!.. Я рядом с ней смотрелся как садовник из богатой усадьбы, по чьему-то недосмотру пущенный в барский дом.

Билетики, оставленные на входе, кстати, тоже стоили недешево. Стол, правда, был сервирован какими-то закусками, все это входило в стоимость, но Настя пожелала дополнительных угощений, и коньячок пила лихо. Правда, танцевать со мной она явно стеснялась, зато пару танцев сбавала с каким-то хлыщом из соседней компании.

Смотрелась она действительно неплохо, и пока ее под музыку лапал хлыщ, я сидел, угрюмо посасывал коньяк и соображал, откуда бабы, получающие такую же зарплату, как и я, берут такие дорогие и шикарные наряды, явно не с распродажи. Под распродажей, кстати, мы понимали не теперешние сезоны скидок в бутиках, а завоз в РУВД или в прокуратуру импортных шмоток строго по числу сотрудников; а особо дефицитные вещички доставлялись в ограниченном количестве, и тогда сотрудники их разыгрывали между собой, бросая бумажки в шапку. Естественно, работы в дни распродаж не было никакой, но руководство само активно участвовало в процессе приобретения вещей, поэтому трудовых подвигов от нас в эти дни не требовало. А после распродаж все правоохранительные органы района щеголяли в одинаковых свитерах и кофтах, нимало этим не смущаясь. Вот такие были времена.

И еще вот какие мысли посетили меня, пока Настя танцевала с другим кавалером: я вдруг очень остро ощутил свою чужеродность этому шикарному месту. Все вокруг было не для меня. Несмотря на то, что я пришел сюда хоть и по звонку ОБХСС, но все же на свои собственные, заработанные деньги, мне было тут настолько некомфортно, что я даже поехал. Не мое все это было, не мое; я чувствовал себя как самозванец, и мне казалось, что все вокруг это видят. И хоть на мне были новые ботинки, я инстинктивно спрятал ноги под стул, заплетя их вокруг ножки. Вернулась Настя, кокетливо поводя голыми плечами. Но я был настолько раздавлен осознанием того, что я чужой на этом празднике жизни, что даже не улыбнулся ей, а продолжал мрачно отхлебывать коньяк. На самом деле мне уже не нужна была Настя с ее голыми плечами, я искренне хотел поскорее убраться из ресторана, отвезти ее домой и больше никогда с ней не видеться. Дело осложнялось только тем, что мы с ней все-таки работали в одной конторе.

Настя что-то щебетала, чокалась со мной коньяком, и даже потрепала меня по щеке, но я не реагировал. И как ни странно, мой отрешенный вид, похоже, возбудил в ней интерес ко мне. В такси она стала откровенно на меня вешаться и чуть не заплакала, когда я высадил ее у парадной ее дома, залез обратно в то же такси и отбыл, даже не поцеловав ее на прощание. И потом, в прокуратуре, она еще некоторое время заигрывала со мной. Но я к ней охладел совершенно, а после ее заигрываний она мне даже стала неприятна.

Вскоре, как я уже говорил, она ушла из района в прокуратуру города. Однако и после этого, изредка сталкиваясь со мной в узких коридорах здания на улице Якубовича, она как-то тепло на меня посматривала. Но мне было все равно. Вот только к ресторану «Туз пик» я стал испытывать стойкое отвращение, мне противно было даже проходить мимо него. И если я слышал упоминания про «Туз пик», про варьете, и даже про Крутова Дениса Ивановича – Барбароссу, меня передергивало.

Кстати, сделав выводы из своих отношений с Настей, я в дальнейшем неоднократно пытался производить впечатление на девушек мнимой мрачностью и безразличием. Но больше ни разу мне этот фокус не удавался. Похоже, что у девушек внутри встроен какой-то хитрый приборчик, четко показывающий, действительно парень к ним безразличен или только прикидывается. Да и бог с ними; я, конечно, влюблялся и вел довольно активную половую жизнь, даже на спор мог переспать с девушкой; вот только ни разу ни с одной из них не защемило сердце так, чтобы я понял – вот она, единственная. И никого больше мне не нужно...

С одной девушкой я даже жил некоторое время, когда получил от прокуратуры однокомнатную квартиру. Мама после развода с отцом жила в Пушкине, тоже в однокомнатной; я, пока

учился в универе, имел койку в общежитии юрфака в Зоологическом переулке, правда, не совсем на законных основаниях. Потом снимал комнату в небольшой аккуратной коммуналке, там, кроме меня, жили еще две старушки, которые по вечерам носа на кухню не высовывали. Меня это очень устраивало, и их, похоже, тоже – комнату я снимал у запойного пьяницы, который съехал к сожительнице и освободил бабушек от своего проблемного присутствия.

Я, конечно, тоже не был для них идеалом соседа, потому что водил девиц, свинячил в ванной и забывал вытирать ноги при входе, но по сравнению с алкашом мои достоинства были очевидны. Лафа божьих одуванчиков кончилась, когда мне в прокуратуре с бухты-барухты вдруг выдали ордер на отдельную квартиру. Я потом долго гадал, с чего бы вдруг на меня пролилась такая божеская милость; общими усилиями мы у себя в районе пришли к выводу, что город в числе других квартир выделил и однокомнатную, а поскольку в очереди на жилье стояли сплошь семейные люди, которым однокомнатная квартира была без надобности, стали срочно искать, кому бы спихнуть этот ордер.

Когда меня вызвали в отдел кадров и предложили написать заявление на предоставление жилья, я тихо обалдел. Вернулся к себе в район и от изумления пил неделю, ровно до момента вручения ордера. Благо, было с кем пить – в район прислали практикантов. По возрасту мы с ними почти не различались, поэтому мальчишки-студенты сразу закрутили романы с молоденькими помощницами прокурора, а студенток разобрали себе следователи. Мне досталась Юлечка, которая трогательно мыла за мной стаканы и провожала, нетрезвого, домой. Как-то само собой получилось, что она съездила вместе со мной за ордером, потом помогла переклеить в квартире обои, потом ходила вместе со мной покупать посуду... Понятно, что мне было как-то неудобно выставить ее, когда она решила остаться на ночь после новоселья: перемыла все тарелки и стаканы, убрала со стола, подмела пол – и все это, пока я, проводив гостей, валялся на диване в легкой алкогольной прострации и разглядывал трещину на потолке.

Практика у Юлечки уже кончилась, но она продолжала после занятий приходить ко мне в прокуратуру, помогала подшивать дела, составляла мне описи, заполняла за меня карточки, а потом мы вместе шли домой. Она меня кормила полуфабрикатами, купленными по дороге, стирала и гладила мне рубашки, на ночь мы с ней смотрели телевизор, а потом необременительно занимались сексом, и очень скоро я смертельно от нее устал.

Главное, я не мог ей предъявить никаких претензий. Юлечка была симпатичной, неглупой, заботливой, ничего особенного от меня не хотела, даже не требовала на ней жениться. И я не мог выдумать никаких причин, чтобы с ней порвать. И от этого чувствовал себя, как в тюрьме. Кончилось тем, что я стал засиживаться на работе допоздна, вместо того, чтобы идти в свою новую квартирку, и даже в выходные припирался на работу, слонялся по прокуратуре или по РУВД, не зная, чем заняться. От скуки заглядывал к дежурному оперу, да у них в уголовном розыске всегда клубился народ, а к вечеру кто-нибудь обязательно бежал за бутылкой... И как-то я с удивлением обнаружил, что пью практически каждый день, что уже месяц не звонил матери, и что после этих ночных загулов почти не работаю, а тупо сижу за столом, преодолевая сонливость и головную боль. А притащившись одним из таких вечеров домой, не дождался Юлечку. Больше она у меня не появлялась, и даже не звонила, за что я был ей очень благодарен.

Но еще до расставания с ней, вечером в воскресенье по обыкновению болтаясь в РУВД, я был захвачен бэхаэсэсниками, которые метались в поисках следователя. В принципе, на взятки в выходные и в вечернее время должен был выезжать дежурный по городу, но в то воскресенье в городе случился перебор убийств, дежурный следак разрывался, скача по районам и оформляя трупы, поэтому нашим бэхам предложено было подождать до утра. Столкнувшись со мной в дежурной части, замначальника отдела БХСС чуть не прослезился от счастья и увлек меня поработать по свеженькой взятке. Придя к ним в отдел, я сел почитать материал и увидел знакомое название: «Туз пик». Взятка была дана именно там. Я поднял глаза на зама начальника отдела, который подмигнул мне и спросил:

– Ну что, Барбароссы не боишься?

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Высочив из отеля и не обнаружив за собой слезки, я надел черные очки и с непринужденным видом направился к тихому бару на задворках этого курортного городишки. Этот бар я заметил сразу, еще когда нас на автобусе везли в отель из аэропорта. Бар был открытым, от столиков, расставленных на улице, в тени деревьев, полки со спиртным отделяла только барная стойка. И мне как-то сразу пришло в голову, не знаю, почему, что из этого бара очень легко слить в случае необходимости. Самое смешное, что в тот момент, в автобусе, я еще и не подозревал о возможности наступления такой необходимости.

Сев в баре под какой-то пахучий куст, я ногой задвинул свою спортивную сумку с барахлом под столик и стал делать вид, что изучаю меню на испанском языке. Мне надо было протянуть время, чтобы спокойно обдумать дальнейшие поступки. Я бы не возражал, если бы персонал бара подольше не обращал на меня никакого внимания. Но не тут-то было: ко мне резво подскочил молодой парнишка в белом переднике и услужливо положил передо мной меню на русском. А ведь я еще ни слова не сказал; неужели у меня на морде написано, что я из России? Ведь и полицейский в гостинице безошибочно меня идентифицировал как русского. Вздыхнув, я глянул в меню и ткнул пальцем в строчку «Пиво». Парнишка кивнул и, разведя пальцы, жестами попытался выяснить у меня, большое я хочу пиво или маленькое. Я захотел большое, и парнишка, прихватив русское меню, умчался к стойке.

Посетителей в баре было немного, и буквально через три минуты официант вернулся ко мне, неся на подносе бокал со светлым пивом. Он положил передо мной картонный кружок, на него бережно поставил бокал и поклонился:

– Сервеса, пор фавор, – сказал он. Это слово я уже выучил, оно означало по-испански «пиво».

За соседний столик присела новая пара отдыхающих, мужчина и женщина средних лет, оживленно переговаривавшаяся по-русски, и парнишка, забыв про меня, побежал к ним. А я отхлебнул холодного пива и стал соображать, что мне выгодней: просидеть всю ночь в этом баре или устроиться на ночь в гостиницу. Вон, прямо напротив моей гостиницы – какой-то крошечный двухзвездочный отельчик, и судя по тому, что несколько балконных дверей даже в такую жару наглухо закрыты и занавешены, свободные места в нем есть. Я бы с большим удовольствием лег бы на кровать и поспал, чем сидеть тут в баре и накачиваться пивом, но в гостинице придется предъявлять паспорт. Да и не уверен я, что смогу объясниться даже по-английски, не то что по-испански. И неизвестно, сколько стоит номер; у меня ведь не так много денег, и я вынужден держаться жесткого режима экономии. С другой стороны, даже если я просижу всю ночь в баре, завтра мне все равно придется где-то поспать, поскольку коррида начнется в шесть вечера. А что я буду делать до этого времени? Если я просижу тут сутки, не вставая, без полиции не обойдется.

Конечно, можно было бы уехать в Таррагону прямо сегодня, но, если честно, я боялся. Где я буду ночевать в незнакомом городе? Если устроиться на скамейке на улице или на вокзале, не заберут ли меня в полицию? Тогда все пропало. Нет, лучше я сегодня посижу здесь; за ветками живой изгороди меня практически не видно, в бар потихоньку начал собираться народ, и я перестал сидеть тут почти в одиночестве, как бельмо на глазу.

Пиво в моем бокале очень быстро нагрелось, но я умышленно отпивал его очень маленькими глотками, растягивая удовольствие. Парнишка-официант, пробегая мимо меня, несколько раз показывал глазами на пустеющий бокал и изображал вопрос – не надо ли мне принести еще пива, но я пока отказывался.

К десяти вечера в баре уже яблоку некуда было упасть, все столики заполнились. Сидеть все с тем же бокалом пива было неудобно, да и есть мне хотелось, и я попросил принести мне самую дешевую закуску, какую только нашел в меню, – жареные кольца кальмара. Вкус кальмара я помнил по консервным банкам, из них наши девчонки в прокуратуре в эпоху дефицита стряпали к праздникам съедобный салат с вареными яйцами, рисом и майонезом. Так что ничего сногшибательного я от этого блюда не ждал, даром что мне ужасно нравилось его испанское название, что-то там такое с «каламарес»; но когда мне принесли большую тарелку, заваленную этими самыми жареными «каламарес», я чуть с ума не сошел от вкусного запаха и в мгновение ока умял все блюдо.

Не сумев удержаться, я тут же заказал еще пива, откинулся на спинку стула и стал разглядывать собравшихся в баре. В основном это были мои соотечественники, русские туристы, причем, в отличие от меня, они явно не экономили, заказывая в больших количествах дорогой коньяк и уйму жратвы.

Одеты они все были очень хорошо, женщины, несмотря на жару и пляжные сарафаны, таскали на себе тяжелые золотые украшения, у мужиков на руках красовались модные плоские часы. А главное, они громко смеялись и явно получали искреннее удовольствие от жизни. И на мгновение я снова, как когда-то в ресторане «Туз пик», ощутил себя самозванцем, плохо одетым смущенным пацаном среди уверенных в себе богатых людей, которые небрежным жестом оставляли официанту сотню евро по счету и еще десятку набрасывали на чай. Разве мог я себе такое позволить? На сто евро мне предстояло еще жить бог знает сколько времени, питаться и платить за ночлег. И хотя в своих злоключениях я был во многом виноват сам, я прямо захлебнулся от классовой ненависти к Барбароссе и ко всем этим богатым туристам, которых в ту секунду посчитал за единое целое с ним.

Между тем как-то незаметно стемнело. Над кустами напротив моего столика вдруг зажглась гирлянда разноцветных лампочек, а под ними обнаружилась невысокая эстрада. Несколько испанцев, сидевших наискосок от меня, громко захлопали. На эстраду не торопясь поднялось трио музыкантов – двое с гитарами, один с такими штуками, которые я видел в фильме «В джазе только девушки», по-моему, они называются маракасы. Все трое были уже в возрасте, выглядели немного по-домашнему, но судя по тому, как принимало их местное население, собравшееся в баре, тут они были звездами.

Оглянувшись, я увидел, что весь персонал бара – парнишка, который меня обслуживал, испанка средних лет, наливавшая напитки, пожилой испанец на подхвате – собрались вместе; облокотившись на стойку, они приготовились внимать музыкантам.

А музыканты тем временем, закончив настраивать инструменты, заиграли какую-то незатейливую мелодию; местные жители захлопали, музыканты заулыбались, и не прекращая играть, закивали головами. Бар стих, музыканты играли. И я сам не заметил, как заслушался, впустил этот простенький мотивчик в душу и отмяк. Наконец в прозрачном вечернем воздухе замер последний аккорд; стало слышно, как по шоссе проехала машина, на соседний столик с дерева шлепнулся жук и крикнула чайка со стороны моря.

Музыканты передохнули и снова взялись за инструменты. На этот раз они сбавили что-то зажигательное, под эту песенку темпераментные местные жители пустились танцевать между столиками, негромко подпевая гитаристам. Я заворожено смотрел на их ритмичные движения, и когда немолодая пышная испанка, покачивая бедрами, дружески подмигнула мне, я поймал себя на том, что топаю ногой в такт музыке и улыбаюсь во весь рот, неизвестно чему.

Я присидел в этом баре всю ночь, до шести утра, приобщенный к местному веселью. Туристов почти не осталось, вокруг были аборигены. Народ от души радовался, танцевал и чокался кружками с пивом, а я, сидя за своим столиком, хлопал в ладоши, всматривался в счастливые лица гитаристов, самозабвенно отдающихся во власть музыки, и меня наконец

отпустило. Впервые за последние дни на мою душу снизошел мир. Я не испытывал ни к кому злобы, и от этого мне было хорошо.

На заре все разошлись. Я оставил на столике плату за ужин – десять евро, и еще пять от всего сердца положил в качестве чаевых. Пройдя мимо спящей гостиницы, я забрел на пустынный пляж, опустился на песок, приклонил голову на свою, уже изрядно потрепанную, сумку и блаженно заснул. Мне снилось что-то очень хорошее, не помню – что, но я проснулся через пару часов абсолютно отдохнувшим. Бодро вскочил на ноги, отряхнулся от нежного золотистого песочка, подхватил сумку и отправился обратно в бар.

Подойдя к парнишке, который, несмотря на бессонную ночь, уже крутился между столиков, протирая столешницы и выравнивая стулья, я тихонько тронул его за плечо. Парнишка обернулся и приветливо улыбнулся мне.

– Бар закрыт, синьор, – с ужасным акцентом сказал он по-русски и, будто извиняясь, развел руками.

– Ага, – согласился я. – Говорите по-русски?

– Поко⁶, – кивнул парнишка. – Ну... Ньемного.

– Такси, – сказал я. – Можно вызвать такси? Колл фор э тэкси?

Парнишка закивал.

– Си! Аэропуэрте?

– Нет. Ноу. Таррагона.

– Таррагона? – удивился он. – Синьор платить много. Отобус. Аутобус, си? Аутобус – Таррагона, три эвро, – он поднял вверх три пальца. – Такси дорого.

– Хорошо, – сказал я. – Где отобус?

Парнишка вывел меня на дорогу и, отчаянно жестикулируя, указал путь к автобусной остановке. Убедившись, что я все понял правильно, он помахал мне на прощание рукой, и я пошел к остановке, волоча за собой сумку.

Дождавшись автобуса до Таррагоны, я занял сиденье в самом хвосте и решил запомнить дорогу, но как только автобус тронулся, я обидно задрых. Проснулся лишь на автобусном вокзале Таррагоны от галдежа покидавших автобус пассажиров. Вышел, моргая заспанными глазами, пристроил сумку в камеру хранения, с огромным трудом разобравшись в ее системе (что куда опускать и на что нажимать), и пошел осматривать достопримечательности. Почти сразу я наткнулся на высоченную стену какого-то круглого здания внушительных размеров. Стена производила впечатление очень древней; и идя вдоль нее, я не сразу понял, что это за сооружение, пока не дошел до огромных ярких афиш с изображением тореадора и быка, эти плакаты повторяли рисунок маленькой афишки, подаренной мне полицейским в гостинице. Это была арена для боя быков. Коррида.

Россия, Санкт-Петербург, 1993 год

Тогда, в девяносто третьем году, вопрос зама начальника отдела БХСС о том, не боюсь ли я Барбароссы, я воспринял как шутку. Не очень удачную. Я хоть и не хватал звезд с неба, регулярно, по врожденной своей неведучести пролетая мимо благодарностей и наград даже к праздникам, когда поощряют всех, кто не совершил уголовных преступлений, но в то же время взяток не брал, от заслуженной ответственности никого не отмазывал и с полным правом мог считаться принципиальным следователем. Хотя, если прокурор намекал мне, что вот это дело хорошо бы направить в суд, а это возможно прекратить по нереабилитирующим основаниям, я не вставал в позу, а соглашался. Но об этом, во-первых, знали только я и прокурор. А во-вторых, шеф никогда не склонял меня к заведомо незаконным решениям, не предлагал отпу-

---

⁶ Росо (исп.) – немного.

стить на все четыре стороны замаранного по уши, либо уконтропупить гражданина чистой совести и помыслов. Ему тоже его кресло было дорого.

В общем, я отмахнулся от неудачного вопроса и стал читать материал. Не успел я перелистать нескольких страничек, как ввалились герои дня – оперативники БХСС, которые отважились на контрольную закупку не где-нибудь, а в «Тузе пик». Они были возбуждены, выразили горячее желание подсветить мне ситуацию лично и стали наперебой рассказывать.

Самое смешное, что они даже не договаривались о входных билетиках, притащились туда экспромтом, надеясь на удачу, и она их не подвела – незанятым в тот вечер остался всего один столик, и когда их компания заглянула в «Туз пик», им этот столик и достался.

Они сели, осмотрелись, сопоставили количество закусок и вес порций с анонсированными показателями, для вида даже выпили и потанцевали, после чего подозвали официанта, расплатились с ним заранее приготовленными для этой цели купюрами (при этом официант обсчитал их на добрую треть стоимости заказа) и объявили контрольную закупку.

О, эти страшные слова – «контрольная закупка»! Хоть они и начали терять остроту, но в те времена у работников торговли еще свежи были воспоминания о том, как эти контрольные закупки ломали судьбы, как из-за мизерного недолива или недовеса люди садились в тюрьму или – что еще страшнее – получали условный приговор с дополнительной мерой наказания: запрещением в течение нескольких лет занимать должности в торговле или общественном питании.

Я не случайно упомянул про важный в этой истории момент: официанту заплатили купюрами, которые были заранее, еще до выхода на операцию, осмотрены в помещении отдела по борьбе с хищениями собственности, номера их были переписаны и внесены в специальный протокол. После объявления о том, что за столиком ресторана сидят не простые посетители, а сотрудники милиции, ребята разделились: двое повели официанта сдавать деньги в кассу, а остальные приступили к составлению акта контрольной закупки.

Официант под присмотром оперативников сдал деньги в кассу ресторана, после чего опера, дело свое знающие туго, приказали кассу снять, то есть выявить всю имевшуюся на тот момент наличность, и сейф с деньгами опечатали.

Во время составления акта контрольной закупки были отмечены вопиющие нарушения: в стоявших на столе закусках не хватало по полпорции. Вместо майонеза салаты были заправлены сметаной. Две закуски вообще были заменены на более дешевые, в мясном и рыбном ассорти отсутствовали по два наименования продуктов. Бутылки водки в буфете были не проштампованы, а это означало, что водку купили в ближайшем лабазе по дешевке, а продавали по ресторанной цене, что должно было существенно обогатить буфетчиков. В общем, ужас что творилось в шикарном и респектабельном заведении. Дойдя до этого места, я довольно хмыкнул: не зря я с таким предубеждением относился к «Тузу пик» и его хозяину, чувствовал ведь, что здесь вертеп, что дураят нашего брата потребителя без стыда и совести!

А дальше наперебой заговорили опера, началась совершенно детективная история. Устав от проверочных действий, один из оперативников, Коля Шевченко, вышел в холл ресторана покурить. Поскольку программа варьете уже закончилась, а танцев не было по причине контрольной закупки, посетителей из ресторана вежливо выпроводили еще до часа «икс», и холл был пустынным, даже гардеробщик куда-то спрятался.

Коля прогуливался мимо гардероба, задумчиво пыхтя сигаретой, как вдруг в холл вышел администратор ресторана. Оглядевшись, он подошел к оперуполномоченному Шевченко, дружелюбно улыбнулся и со словами: «Пусть все будет хорошо» сунул что-то в нагрудный карман Колиного пиджака.

Коля потом рассказывал мне, что в первое мгновение растерялся, но, что называется, на автомате, машинально прижал руку администратора к своей груди, не давая выбраться из собственного кармана, и заорал благим матом на весь ресторан, призывая собратьев по оружию.

Заслышав вопли, собраты сбежались в холл и засекли такую картину: администратор ужом выворачивает руку, пытаясь освободиться из железного Колиного захвата, а сам Коля чужую руку держит и при этом продолжает орать.

– Я даже не помню, что именно я орал, – поделился со мной Шевченко, озабоченно попыхивая сигаретой.

– Ты орал: «Взятка! Взятка!» – любезно напомнил ему другой участник событий, Роман Авдеев.

– Наверное, – согласился Коля.

Сбежавшиеся опера наконец вырвали администратора из объятий Шевченко и проверили содержимое наружного кармана пиджака своего коллеги. Там оказались сложенные пополам купюры на общую сумму три тысячи неденоминированных рублей, что, кстати, составляло полторы месячных зарплаты районного опера. И оперативники с некоторым удивлением отметили, что номера у этих купюр знакомые, а именно те самые, которые были ими переписаны до исторического похода в место проведения контрольной закупки. Иными словами, администратор дал оперативнику взятку теми самыми деньгами, которые использовались сотрудниками БХСС для расчета с официантом, а затем были на глазах оперативников сданы официантом в кассу, а касса на их же глазах кассиром опечатана.

Естественно, кассу тут же вскрыли и сняли снова, пересчитав наличность. Полученный результат никого не удивил: в кассе не хватало ровно той суммы, которая со словами «Пусть все будет хорошо» была вложена администратором в карман пиджака руководителя операции.

Возбуждение оперов было понятным: начав с рядовой статьи об обмане покупателей, не сулившей особых почестей, они вернулись в РУВД триумфаторами, имея в активе дело о тяжких преступлениях – взятке и хищении денег из кассы, что, безусловно, должно было украсить районную сводку.

– Ну чего, Миша, давай? – нетерпеливо проговорил Авдеев, заметив, что я дочитал материал до конца. – Люди все тут, с кого начнешь?

– Давайте сначала официанта, – поразмыслив, решил я.

Опера были разочарованы, они ожидали, что я возьмусь сперва за взяткодателя – администратора, быстренько допрошу, оформлю протокол задержания и спущу его в камеру, а они успеют до полуночи дать сводку. Но я рассудил, что лучше действовать последовательно, начать с виновника событий – официанта. Деньги-то с переписанными номерами получил от оперативников именно он, и он же сдал их в кассу, откуда они таинственным образом переместились в преступную руку взяткодателя. Впрочем, ничего таинственного в этом перемещении не было, вся ситуация была такой очевидной, что я и сам рассчитывал до полуночи закончить бодягу и отметить это дело с операми.

Но не тут-то было! Сюрпризы начались с первой минуты допроса официанта.

Официанту было тридцать лет, и он работал в «Тузе пик» со дня его основания. Это было первое столкновение с БХСС в его трудовой биографии, и я намеревался быстренько занести в протокол его полное признание. И очень удивился, когда тот стал отрицать очевидные вещи.

– Никаких преступлений я не совершал, – твердо заявил мне подозреваемый.

– А вы что думаете, обман покупателей – это не преступление? – саркастически спросил я, машинально продолжая заполнять протокол.

– Никого я не обманывал, – так же твердо продолжал официант.

Я молча положил перед ним акт контрольной закупки.

– Ну и что? – спросил он. – Я этот акт не подписывал.

– Какая разница? – пожал я плечами. – Тут достаточно подписей.

– Ну и что? – повторил он.

Я на секунду усомнился в его умственной полноценности. Похоже было, что он не понимал серьезности происходящего, хотя человек, всю сознательную жизнь проработавший офи-

циантом, серьезность ситуации должен был оценить уже в момент, когда бэхаэсэсники сели к нему за столик. Выглядел он абсолютно спокойным, даже безмятежным; только дурак в такой ситуации мог все отрицать, вместо того, чтобы быстренько изобрести какие-нибудь правдоподобные отмазки, типа «перепутал заказы», «кухня не справлялась, поэтому намеревался часть закусок поднести позднее, но забыл», «не успел дать сдачу», «с утра болела голова, поэтому мог ошибиться» и тому подобное. В общем, не ругайтесь, дяденьки, виноват-исправляюсь, а сейчас отпустите домой к деткам. Дело-то не стоило выеденного яйца...

Все это промелькнуло у меня в голове, но так и не оформилось в вопрос: а зачем, если дело не стоило выеденного яйца, администратор пошел на такие жертвы – дача взятки, да еще деньгами, позаимствованными из опечатанной кассы? В конце концов, мало ли что, решил я. Может, официант действительно дурак и не понимает, что ему грозит?

Но когда я закончил препираться с подозреваемым и предложил ему расписаться в протоколе, а он потянулся за шариковой ручкой, я увидел на его ладони багровые вмятины от ногтей и мысленно присвистнул: нет, он отнюдь не дурак, и его деланное спокойствие дорого ему далось, раз уж он в течение всего допроса, старательно изображая недоумка, под столом впивался себе ногтями в ладонь.

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Вообще Таррагона произвела на меня странное впечатление: в два часа дня на улицах было пустынно, магазины не работали, закрыты были даже крошечные забегаловки, где продавали воду и мороженое. Я не сразу вспомнил, что бывалые люди, посещавшие курорты Испании, мне рассказывали, что примерно с часа до пяти испанские города вымирают, так как наступает сиеста. Вот и пришлось мне слоняться по пустому городу, заглядывая в витрины и дивясь, куда это все спрятались. Мне даже стало как-то не по себе – а вдруг здесь что-то случилось, какая-нибудь внезапная эпидемия или стихийное бедствие... Но потом я подумал, что раз автобус привез меня сюда, значит, никаких катаклизмов тут не происходило. И совсем успокоился, когда прочитал на дверях магазинов, что перерыв тут с 13 до 17 часов.

А подобравшись к Плаза де Торос Монументаль, как на ней значилось, я хоть отвлекся, разглядывая красочные афиши с рекламой тореадоров, выступающих сегодня на этой арене.

Меня удивило, что вокруг этой старинной, явно средневековой арены стояли современные многоэтажные дома. Но все это не резало глаз, а наоборот, смотрелось очень органично. И яркие пятна афиш, наклеенных прямо на старый выщербленный кирпич, тоже смотрелись органично под горячим солнцем. На афишах были перечислены имена трех тореадоров, которые должны были выступить сегодня. Два из них меня не заинтересовали, а третье подтвердило информацию, почерпнутую мной из программки в отеле: третьим по списку сегодня выступал Хуан Марин. Если рисованные на афишах портреты отражали действительность, то этот самый Хуан Марин был симпатичным парнем, совсем еще молодым, с чертовщинкой в глазах.

Конечно, мне следовало купить билет, но касса Плаза де Торос, как и все остальные заведения Таррагоны, была закрыта до пяти часов. Над окошечком кассы висело объявление с расценками на билеты; ознакомившись с ним, я удивился, почему такой разброс цен на места в одном и том же ряду? Ведь арена круглая, отовсюду должно быть хорошо видно. Места под словом «Sol» стоили на 15–16 евро дешевле, чем места под словом «Sombra», и я мысленно обругал себя за то, что, отправляясь в Испанию, можно сказать, в служебную командировку, не удосужился прихватить с собой хоть какой-нибудь разговорник, где наверняка есть перевод этих загадочных слов «Sol» и «Sombra».

Послonyaвшись вокруг арены, я, однако, пришел к выводу, что как бы эти слова ни переводились, надо брать билет подешевле, то есть «Sol». По-другому сэкономить никак не получалось, поскольку для осуществления моего плана мне нужно было находиться как можно ближе

к тореадору, а первые ряды стояли, естественно, дороже всего. Помня о жесточайшем режиме экономии, я скрепя сердце отсчитал и переложил в нагрудный карман своей гавайской рубахи сорок евро на билет, облившись слезами над жалкой кучкой, в которую превратилась крупная сумма, выданная бывшим однокурсником Жигулевым на командировочные расходы.

Поразительно, как деньги таяли, хотя я старался экономить на всем. Причем эта беда сопровождала меня по жизни. Вот интересно; я ведь не курил, и франтом лихим не выступал, то есть на шмотки не особенно разорялся. Ну да, злоупотреблял иногда алкоголем, бывало, что поил всю компанию на свои деньги, но ведь не каждый же день. Женат не был, на хозяйство денег тратил гораздо меньше, чем на выпивку. Когда получил новую квартиру, мать выдала мне всяких хозяйственных принадлежностей целый чемодан, и белья постельного дала, и полотенца. Так что всем необходимым я был обеспечен. И куда в итоге уходила вся моя зарплата, я понять никогда не мог. Поэтому момента выдачи денежного содержания всегда ждал с огромным нетерпением, а уже через три дня мог сосать лапу. Вроде вчера еще были деньги, а сегодня их уже нет. Как говорится, почему это в конце денег остается еще так много месяца?

Под грустные мысли об экономии у меня забурчало в животе. Со вчерашнего дня мой бедный желудочек принял в себя только две тарелки жареных каламарес и немножко пивка. Ему этого явно было мало. Неужели я жру так много, что моей следовательской зарплаты не хватало как раз из-за этого? Не может быть! Я расстроился и, остановившись около зеркальной витрины, стал разглядывать свою фигуру, раз уж мне все равно некуда было торопиться. И хоть я к себе относился с большой симпатией, все же вынужден был признать, что фигура далека от совершенства. Я втянул живот и повернулся к зеркалу боком, ожидая, что этот ракурс обрадует меня больше. В принципе, в профиль я смотрелся не так ужасно, но повернувшись, я столкнулся взглядом с каким-то подозрительным типом, невесть откуда взявшимся в перспективе пустынной таррагонской улочки.

Тип стоял, прислонившись к выступу стены и небрежно, из-под полуприкрытых век, взглядывал в мою сторону. И мне это не понравилось. Во-первых, что он тут делал в безлюдном городе, во время сиесты, когда все уважающие себя испанцы отдыхают? Во-вторых, с чего это он сверлил глазами именно меня, а не любовался, к примеру, местными достопримечательностями? Заинтересовался моими манипуляциями перед витриной? И в-третьих, почему он так подозрительно прижимался спиной к стенке? Проходу он не мешал, потому что кроме него и меня на улицах Таррагоны никого не было.

Сначала я отвернулся, сделав вид, что не заметил его. Но потом подумал: какого черта? С нахалами – по-нахальному. Крутанулся на пятках и решительно направился к улочке, где прятался наблюдатель. Сделал несколько шагов и обнаружил, что наблюдателя как ветром сдуло.

Самое интересное, что деться ему было некуда, он отирал совершенно глухую стену. Я с независимым видом прошелся вдоль улочки, убедившись, что двери домов наглухо закрыты, питейные заведения не функционируют, и мой преследователь нигде, ни в каких больше нишах не таился. Сердце у меня колотилось так, что его стук наполнял всю гулкую тишину средневековой улочки, заглушая даже мои шаги. Не знаю, что бы я сделал, встретившись с соглядатаем нос к носу. Бежать? Или драться с ним? Только этого мне не хватало. Я подумал, что самым умным было бы просто пройти мимо. Но тогда зачем я поперся его разоблачать? Да и вообще, может, это был никакой не шпик, а простой испанский рабочий, которому не спалось в сиесту. Но сердце мое продолжало колотиться, и под ложечкой холодело, подсказывая мне, что в моем положении простых совпадений не бывает.

Россия, Санкт-Петербург, 1993 год

Еще не решив, что делать с официантом, я выставил его в коридор, под присмотр оперативников, а сам занялся кассиршей.

Пожилая, не лишенная приятности женщина, накрашенная дефицитной косметикой и пахнувшая какими-то вкусными духами, одетая скромно, но дорого, – уж в этом-то я понимал, не на распродажах были куплены все эти импортные неброские одежды, – так вот, эта приятная женщина тряслась с такой силой, что стул под ней вибрировал и эта вибрация даже мне передавалась. Меня это удивило. В силу своей специализации я постоянно имел дело с работниками торговли и привык к тому, что все они воспринимали риск быть схваченными за руку как необходимый элемент своей жизни. За все эти французские духи, импортную косметику, ухоженный и респектабельный вид, недоступный простым смертным, бутерброды с икрой и ликеры надо было платить риском.

Но с этой кассиршей что-то было явно не так. Для начала она, так же, как и официант, стала горячо отрицать очевидные вещи. Но если официант делал это неумело и без души, то кассирша в свое отрицание душу вкладывала. Она прижимала к груди руки и заливалась слезами, убеждая меня в том, что никаких денег из кассы не брала и никому не передавала. И более того, никто в ее присутствии – а она находилась при кассе неотлучно – в кассу не лез и денег никаких не брал.

Тщетно я ей на пальцах доказывал, что иначе, как из кассы, деньги в карман оперативника попасть не могли; она взывала к моей человечности и протягивала ко мне трясущиеся руки с мятым носовым платком, которым вытирала потекшие глаза.

– Господи, да как же вы не понимаете! – рыдала она. – Не брала я ничего! Ни копейки! Сидела около кассы, охраняла...

– Раиса Евгеньевна, – увещевал я ее, – вам официант Родионов деньги в кассу сдал?

– Сдал, – кивала она.

– Вы их приняли? Кассу опечатали?

– Ну конечно!

– Но сотрудники ОБХСС с ним расплатились заранее подготовленными купюрами, их номера были переписаны перед контрольной закупкой. Потом этими купюрами ваш администратор пытался дать взятку должностному лицу...

– Господи, да как вы не понимаете?! Не брала я ничего из кассы, не брала! И никто не брал! – кричала сквозь рыдания кассирша и громко сморкалась в черный от туши платок. И если бы я не знал оперативников лично, я мог бы поверить ей и усомниться, а так ли все было, как опера рассказали.

Но я лично знал оперов. И документы лежали передо мной, наглядно демонстрируя путь купюр: от оперов к официанту, от официанта в кассу, из кассы к администратору, от администратора к карману Коли Шевченко.

Кассирше я налил валерьянки, за которой любезно сбегали опера БХСС, сами уже плохо понимавшие, что происходит, и отправил ее посидеть в коридоре, а сам взялся за администратора.

Администратор Лиховцев оказался средних лет симпатичным дядькой. Вид у него был смертельно усталый, но пальцев он не ломал и не рыдал. Я, грешным делом, понадеялся, что хоть этот будет вести себя пристойно, все признает и расскажет, и про себя решил, что в таком случае я его под стражу брать не буду.

Лиховцев первым делом попросил закурить. Поскольку сам я не курил, пришлось порыться в ящике стола зама начальника отдела БХСС, в кабинете которого мне выделили место для работы, там я нашел пачку «БТ» и протянул ему. Лиховцев пачку не взял и поморщился.

– Ничего другого нету? – спросил он.

– Чего другого? «Мальборо» или «Кэмела»? – спросил я, искренне считая, что пошутил. «Мальборо» и «Кэмел» считались тогда признаками совершенно неприличного благосостояния. Как-то я пришел в РУОП и на столе увидел пачку «Кэмела»; я взял ее в руки и стал рас-

смаковать, а вошедший в кабинет хозяин стола прямо от двери закричал: «Это не мои сигареты!», что означало: «Это не я такой коррумпированный, что курю дорожный импортный табак»...

– Хотя бы «Мальборо», – кивнул администратор, не уловивший иронии.

– Здесь вам не «Туз пик», – сухо сказал я, бросив пачку «БТ» перед ним на стол.

Администратор снова поморщился, нерешительно потянулся к пачке, вытащил сигарету, прикурил от своей зажигалки «Зиппо», затянулся, но тут же смял сигарету и глазами поискал, куда бы ее бросить. Я тем временем заполнил установочную часть протокола допроса и сказал ему, как положено:

– Вы подозреваетесь в хищении денежных средств из кассы и в покушении на дачу взятки. Это вам понятно?

Администратор кивнул. Я показал ему, где расписаться в том, что ему понятно, в чем он подозревается, и в том, что ему разъяснены процессуальные права. Он послушно расписался.

– Показания давать будете? – поинтересовался я.

– Нет, – спокойно ответил администратор.

– Нужен адвокат?

– Мой адвокат сейчас подъедет, – все так же спокойно сказал Лиховцев. – Но я и при нем показаний давать не буду.

– А почему? – спросил я, отложив протокол. – Вы что, взятку не давали?

– Давал, – пожал он плечами. – Конечно, давал. Чего крутить?

– А эти ваши крутят, – я взглянул на него с интересом. – Родионов и кассирша все отрицают. Один клиентов не обманывал, вторая вам денег из кассы не давала...

– Да ну, – махнул он рукой. – Все было, недoves, недovложенья, обсчет. Мы же не святые, хочется жить по-человечески, а? Зарплата грошовая; да вы сами знаете...

Я молчал, надеясь, что он сам не заметит, как разговорится, а там и до протокола может прийти. Так часто бывало – главное, чтобы человек захотел поговорить со следователем. Лиховцеву явно хотелось поговорить; он хоть и обращался ко мне, но не нуждался в ответной реакции, от меня не требовалось даже кивать или поддакивать.

– И деньги я у Раисы из кассы взял, – продолжал он, – у меня, как назло, в карманах пусто было. Ну, ни копейки. Я и подумал – зачем куда-то бежать, деньги занимать, сейчас все уладим.

Он помолчал.

– И взятку я дал. Неудачно, правда. Кто ж знал, что этот мент такой заплотанный? Мы ж не привыкли, к нам БХСС не ходит.

Я с интересом слушал его и соображал, почему он вдруг успокоился. Неужели весь этот сыр-бор из-за того, что они действительно растерялись от визита БХСС? Не привыкли, вот и напороли горячку, из-за пустякового правонарушения стали взятку совать, да еще и мечеными деньгами.

– А чего ж кассирша вам из опечатанной кассы деньги выдала? Она что, не понимала, что будут проблемы?

– Она мне верила, как богу, – усмехнулся администратор. – Верила, что я все улажу, что до Дениса Ивановича ничего не дойдет. Раиса наша ведь всю семью кормит, если Денис ее выкинет, им жрать нечего будет, – доверительно сообщил он мне.

– Лучше в тюрьму?

– Вас как зовут? – неожиданно спросил меня Лиховцев.

– Михаил Геннадьевич, – ответил я. – Я ведь назвался, когда вас привели.

– Вы сказали только вашу должность и фамилию, – администратор вытащил из пачки «БТ», так и лежавшей на столе, еще одну сигарету, но закуривать не стал, просто мял ее в руках. Я терпеливо ждал. – Будете меня арестовывать?

Я промолчал. Лиховцев спросил так, как будто уже знал ответ. И готовился в камеру. Я хотел было сказать, что если он признается, то останется на подписке о невыезде, но слова застряли у меня в горле. Ему это было не нужно и не интересно.

В кабинет заглянул опер Рома Авдеев.

– Михал Геннадьич, – тихо сказал он, – звонил адвокат Лиховцева, сейчас подъедет.

– Хорошо, – ответил я, и Рома, выдержав паузу, прикрыл дверь. Понятно было, что ему не терпится узнать, как протекает допрос, и заполучить задержанного в камеру.

– Вы можете оформлять протокол с моим отказом, – как-то безразлично сказал Лиховцев, услышав, что дверь кабинета закрылась. Речь шла о его адвокате, но его это, похоже, не волновало. – Если бы вы знали...

Он замолчал, теребя сигарету, и очнулся, только когда на брюки ему просыпались табачные крошки.

– Если бы вы знали, – повторил он с какой-то безнадежной интонацией. – А все из-за чего? Дурак милицию обсчитал. Совсем нюх потерял. Ну, да бог с ним. Вы разрешите жене письмо написать? Я с адвокатом передам.

– Я его должен буду прочитать, – предупредил я. Мы тогда придавали значение таким глупостям, не подозревая, что скоро настанут времена, когда наши подследственные будут по телефону звонить, кому надо, прямо из камеры. И, по иронии судьбы, у заключенных мобильники будут, а у следователей – нет.

Лиховцев пожал плечами.

– Надо – читайте.

Я подвинул к нему чистый лист бумаги и ручку. Он взял ручку и стал вертеть ее между пальцами, как сигарету. Через минуту он положил ручку на стол.

– Нет, не могу. Я на словах передам, через адвоката.

В дверь кабинета постучали. Снова заглянул Рома Авдеев.

– Адвокат прибыл, – доложил он.

Я кивнул, и в кабинет вошел не кто иной, как мой однокурсник Игорь Васнецов. Я удивился. Васнецов тоже слегка остолбенел, но быстро овладел собой, прошел к столу и пожал мне руку. На своего подзащитного он и не взглянул.

– Можно вас на пару слов, гражданин следователь? – интимно, как когда-то швейцарам в баре, сказал он мне, перегнувшись через стол.

– Роман! Авдеев! – крикнул я в коридор.

Вернувшийся Авдеев увел Лиховцева, а Игорь подсел к столу на его место.

– Ну, здорово, кореш! – широко улыбнулся он. – Я так понял, что дело плохо?

Мы с Васнецовым не виделись с выпускного вечера. Я даже и не знал, что он стал адвокатом. Я вообще про него ничего не знал с тех пор. Мы с ним и корешами-то никогда не были.

– Ерунда какая-то происходит, – пожаловался я ему. – Все отрицают очевидные вещи. И твой подзащитный тоже дурака валяет, соглашается, что все было, а показаний давать не хочет.

Васнецов кивнул.

– Знаю.

– Ты ему объясни, что если он показания даст, я его не буду арестовывать.

– Он не даст показаний, Миха. Поверь мне. Ты знаешь, кто такой Барбаросса?

– Ну знаю. И что?

Я начал раздражаться. Что они все заиклились на этом Барбароссе?

– А то. Барбаросса сейчас за границей, вместе с мэром в Париже. И когда он обо всем узнает...

– Ну что он сделает? – я начал терять терпение. – Расстреляет их в гардеробе?

– Хуже, – Васнецов вздохнул. – Он их всех брал на работу лично. И каждого предупредил: если что, сотрет в порошок.

– Если что?

– Если попадутся идиоты в лапы правоохранительных органов. Он, конечно, понимает, что в торговле и в общепите без этого нельзя, но условие было – не зарывайтесь. И не попадайтесь. А попадетесь – выкручивайтесь как хотите, но только без скандала. А тут ты собираешься администратора арестовывать. Ни фиги себе – без скандала!

– Послушай, Игорь. Наверное, это их проблемы. Обсчет ведь был? И обвес? Не я же в этом виноват?

– В общем, все эти ребята уже поняли, что их песенка спета. Ладно, официант парень молодой. Но Лиховцев-то зубы съел в общепите. Чего он полез с этой взяткой!

– А почему он не хочет признаться? Я же сказал, что арестовывать не буду, если признается.

Васнецов махнул рукой.

– И не мечтай даже.

– Да почему?

– Что тебе непонятно? – прищурившись, спросил он. – Барбаросса шутить не любит. У него большое будущее. С его именем не должно быть связано никаких скандалов.

Меня рассмешила почтительная торжественность в его голосе. Нельзя так серьезно относиться к клиенту, аж с придыханием, подумал я.

– Он что, в президенты надумал баллотироваться? – спросил я вслух у Васнецова. Тот поджал губы.

– Возможно. Ладно, заболтался я с тобой. Давай порешаем дело миром.

– В каком смысле? – я даже хихикнул, но Васнецов не дрогнул лицом. – В каком смысле? – уже настойчиво повторил я, начиная злиться, так как вопрос был риторическим. Яснее ясного, как нужно решить дело миром. Либо я иду навстречу однокашнику, просто так, в память о студенческих годах; либо по-деловому оговариваю с ним, сколько это будет стоить.

– В каком, в каком, – Васнецов был по-прежнему серьезен. – Надо помочь государственному человеку. Пойми, так надо. Ну, кому лучше будет от скандала? А так – замнем все, и не обидим. И тебя, и ребят из БХСС. Денис Иванович добро не забывает.

– Игореха, – медленно сказал я, – замять это все не получится. Нельзя, понимаешь? Совершенно преступление...

– Ой-ой-ой! – тут Васнецов засмеялся.

Я машинально отметил, что он по-прежнему хорош, одет с иголочки, подстрижен и уложен как с картинки, явно не в районной парикмахерской, а в дорогом салоне. На мизинце левой руки у него сиял массивный перстень с крупным бриллиантом. Опустив глаза, я уткнулся в свои нечищенные ботинки, потом осмотрел обтрепавшийся рукав синего костюма из форменной ткани и понял, что ни на какие уступки не пойду.

Я положил перед ним протокол и ткнул пальцем в строчку, где должна была быть подпись защитника.

– Вот здесь распишись, – сказал я. – А я пока напишу протокол задержания.

Васнецов машинально подвинул к себе бумагу, но опомнился и исподлобья посмотрел на меня.

– Миха, ты так не шути, – попытавшись улыбнуться, процедил он. – Мы же договорились, а?

– Ни о чем мы не договаривались, – упрямо сказал я.

– Ну послушай...

Я снова двинул к нему протокол допроса и постучал шариковой ручкой туда, где должна была стоять его подпись.

– Да, надеюсь, ордер на защиту у тебя есть? – вспомнил я.

– Какой ордер тебе ночью, ты что, старик? – Васнецов красиво поднял брови.

– Ах, у тебя и ордера на защиту клиента нету?! О чем мы тогда говорим? Попрощаемся. Утром вызову дежурного адвоката.

Я встал и протянул Васнецову руку. А он не двинулся с места. Интересно, на что он надеялся?

Тогда я пошел к двери и картинно отворил ее.

– Не смею задерживать, – провозгласил я.

Мне пришлось простоять так не меньше трех минут, пока Васнецов осознал, что со мной каши не сварить. Он тяжело поднялся и, проходя мимо меня, положил мне руку на плечо.

– Миха... – сказал он невыразительным голосом, но я стряхнул его руку.

– До свидания.

Он уже вышел в коридор и спросил, не оборачиваясь:

– Может, дашь мне пару слов сказать с клиентом? Все-таки я через весь город перся.

И я сжалился над однокурсником. И разрешил ему перекинуться парой слов с задержанным мной администратором ресторана «Туз пик» Лиховцевым, несмотря на отсутствие у адвоката Васнецова ордера, выданного юридической консультацией на защиту клиента. Они разговаривали не больше пяти минут в кабинете Ромы Авдеева, после чего Авдеев повел задержанного в ИВС, а адвоката Васнецова Коля Шевченко проводил к выходу.

На следующее утро я положил прокурору на стол возбужденное уголовное дело по факту обмана потребителей, хищения денежных средств и покушения на дачу взятки.

– Задержанные есть? – спросил прокурор, листая дело.

– Есть, я задержал администратора, который взятку давал.

Прокурор кивнул и занес ручку, чтобы начертать резолюцию.

– Сам закончишь или передать кому? – добродушно спросил он. Я же у него ходил в любимчиках, потому что тихо свои хозяйственные дела сдавал в срок, не допускал липовых приостановлений, которыми баловались другие следаки, заваленные убоями и половыми преступлениями. Со мной вообще было мало хлопот, а если бы я еще не налетал по нетрезвости на дисциплинарные взыскания, то, по меркам района, был бы лучшим следователем всех времен и народов.

Я не успел ответить, а шеф – написать резолюцию: у него на столе зазвонил телефон, из РУВД сообщили, что ночью в камере изолятора временного содержания покончил с собой подозреваемый Лиховцев. Разорвал на полоски шелковую рубашку, сделал петлю и удавился.

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Тесная и без того улочка сужалась к горизонту. Я уже пожалел, что сунулся сюда. Идеальное место, чтобы стукнуть меня по голове и забыть навсегда, ни одна ставня тут не шелохнется до конца сиесты. Если бросить меня на этой улице с черепно-мозговой травмой, никто никогда не свяжет неустановленный труп из испанского города Таррагоны с российским следователем Ивановым (черт, я даже забыл, что я бывший следователь), поскольку документы мои остались в сумке в камере хранения. И я сгнию в местном морге, а матери некуда будет принести траурный веночек. Потому что Жигулев, заславший меня сюда, будет молчать, как рыба.

Голову припекало, урчало в желудке, и я понял, что если не выпью чего-нибудь холоденького, то паду прямо на каменные плиты мостовой сам по себе, безо всякого вмешательства злоумышленников. И – о, чудо! – справа от себя я увидел приоткрытую дверь какого-то питейного заведения. Толкнул ее и зашел.

В длинном, вытянутом, как кишка, помещении было пусто и темно. За столиком у самого входа сидел хозяин, пожилой усатый испанец в клетчатой рубашке; потягивал пиво и читал газету. Подняв на меня голову, он тихо выругался (конечно, я ни слова не понял, но по инто-

нации было нетрудно догадаться, что он проклинает себя за то, что не запер дверь). Тем не менее он сложил газету, поднялся со стула и что-то спросил по-испански.

Глядя на его запотевший стакан с пивом, я сглотнул слюну, но помня про экономию, мужественно вымолвил:

– Кола. Айс, плиз.

Хозяин кивнул, открыл холодильник, достал ледяную бутылочку колы, из-под стойки достал стакан, бросил туда два кусочка льда и поставил передо мной на стойку, подняв указательный палец – «один евро».

Я положил на стойку монету в евро, взял стакан, сел за соседний столик, второй от входа – в этой кишке столики стояли вдоль стены, – сделал большой глоток и зажмурился от блаженства. Привалился к стене и расслабился. Ведь не убьют же меня на глазах у этого честного испанца, тем более что выглядел он, как положительный герой вестерна. Не верилось, что он способен на что-то плохое. Если что, мы с ним вдвоем, плечом к плечу, будем отбиваться от мафии.

Просидел я так с закрытыми глазами довольно долго. В баре было тихо, только хозяин изредка еле слышно шелестел газетными страницами. Господи Боже ты мой, как бы я хотел сидеть и сидеть в этом баре, отпивать по глоточку ледяную колу и не думать о том, как мне обойти преследователей и устроить встречу с человеком, который просил помощи у детективного агентства Жигулева. Устроить так, чтобы никто не сел нам на хвост и не засек факт нашего общения. Раз уж Жигулев струхнул настолько, что опасается говорить по телефону о задании, которое мне дал...

Вот странно – я никогда не мечтал о работе опера, не хотел бегать с пистолетом, отправлять в нокдаун негодяев. Пределом моих желаний было тихое сидение в кабинете за бумажками. И теперь мне приходится вспоминать все, что я знаю об оперативных хитростях, а главное – применять все это на практике. Чур меня, чур...

Внезапно что-то будто толкнуло меня. Я открыл глаза и уперся взглядом в чужое темное лицо, прижавшееся к оконному стеклу с той стороны. Это был он, мой таинственный преследователь, исчезнувший неведомо куда с пустынной улицы. Все-таки он нашел меня, выследил. Ну да, это было несложно, он же видел, что я пошел вслед за ним по улице. Обратного на площадь я не вернулся, значит, мог застрять только здесь, в единственном, по недосмотру хозяина, открытом заведении. Заметив, что я открыл глаза, соглядатай исчез. Он опять испарился, словно провалившись сквозь землю.

Я даже потряс головой – а может, мне показалось? Тем более, что улица стала потихоньку наполняться народом. Вот и в бар зашли какие-то туристы, хозяин спрятал сложенную газету и встал за стойку. Надо понимать так, что сиеста кончилась; я выцедил из стакана остатки колы, разбавленные растаявшим льдом, и вышел на улицу. Пора было идти покупать билеты на корриду. Удаляясь от своего, такого своевременного, пристанища, я оглянулся и посмотрел на вывеску: бар «Торо». Торо – это ведь бык по-испански? Что ж, логично, барчик этот – наверное, самый ближайший к месту проведения корриды. Надо запомнить.

Подойдя к Плаза де Торос Монументаль, я удивился: откуда взялось столько народу? Вокруг всей арены клубилось невероятное количество местных жителей. Конечно, может быть, среди них попадались и туристы, но местное население явно преобладало. Все желающие попасть на корриду оживленно переговаривались, ударяли по рукам, группировались в кучки. Тут явно действовал тотализатор, принимались ставки. И отовсюду звучало повторяемое на все лады имя Хуана Марина; похоже было, что он сегодня герой, и ставки на него – самые высокие.

Я пристроился в хвост довольно внушительной очереди в кассу. Стоящие вокруг меня тоже постоянно поминали Хуана Марина. Я услышал обрывки русской речи, стал всматриваться в очередь, пытаясь вычислить соотечественников; и нашел: двое мужчин, довольно обычно одетых, без этого новорусского выпендрежа, в джинсах и маечках, обсуждали пред-

стоящую корриду. Они негромко, со знанием дела перемывали косточки сегодняшним тореро, упомянув, что вообще-то арена Таррагоны – не очень престижная, на ней в основном выступают новички, нераскрученные торeadоры, это вам не Барселона и не Мадрид. Но в то же время престижные, парадные арены в столице и в Барсе скучны и прилизанны, высидеть там все отделения корриды невозможно, поскольку известные торeadоры зачастую просто отбывают номер, работают без огонька. А вот здесь стараются добиться известности ребята, у которых еще глаз горит, которые выкладываются на сто двадцать процентов и для которых выступить на этой захолустной арене – большая удача.

Так, отметил я про себя, значит, Хуан Марин – молодой, нераскрученный торeadор, но в народе уже популярный. И тут же мужики хорошо о нем отозвались, причем один почему-то назвал его Женей.

Потом они поговорили про планы привезти корриду в Москву, так и не состоявшиеся, потому что церковь воспротивилась нехристианской забаве, хотя привезти планировали не испанскую, а португальскую корриду, где быков не убивают. Чувствовалось, что мужики – большие специалисты в этой области, которые не просто притащились поглазеть на испанскую экзотику, раз уж они тут на курорте отдыхают, а ценители, знающие по именам торeadоров.

Я пробился поближе к ним и подслушал, какие места они берут. Из их беседы я почерпнул, чем объясняется разница в цене на билеты. Оказывается, «Sol» – это места на солнце, а сторона «Sombra» расположена в тени. Поскольку арена открытая, это немаловажно – попробуй-ка посиди три часа на палящем солнце. Правда, мужики совещались, не сэкономить ли им сегодня, взяв билеты на солнечную сторону.

– Солнце через два часа уйдет, – сказал один из них, – да и в дымке оно сегодня. Двадцать евро сэкономим, а?

– Давай, – согласился второй.

Вслед за ними я протянул в окошечко кассы свои сорок евро, взял билет на солнечную сторону, на самый дорогой ряд, который назывался «Barra», и пошел к распахнувшимся тяжелым воротам Плаза де Торос, стараясь не терять из виду своих соотечественников. От волнения меня немножко потряхивало, я побаивался того, что мне придется стать свидетелем жестокого зрелища, кровавой расправы над быками, а может, и над людьми, потому что во время корриды всякое возможно.

Вокруг меня уже клубилась шумная испанская толпа, прорываясь на трибуны. И я с удивлением заметил, что в толпе не только мужчины; нет, мимо меня с достоинством проходили и юные красотки в символических шортиках, и какие-то совершенно карнавальные испанские матроны в многоярусных цветастых юбках, с кружевными накладками в волосах, с огромными серьгами-кольцами. Проковыляла даже синьора лет эдак восьмидесяти-девяноста, разодетая по старинной моде, она опиралась на палку и держала за руку крошечную девчушку в такой же цветастой юбке. Впрочем, многие были с детьми. Похоже было, что коррида тут является местным развлечением, непременным элементом быта, на нее стекались старые и малые, – это как клуб в сельской глубинке, только вместо любимых народом кинофильмов зрителям по субботам показывают настоящую кровь и смерть.

Пробравшись к своему месту, я убедился в том, что мой план по установлению контакта с Хуаном Марином вполне осуществим, главное – правильно этого Хуана идентифицировать. И еще – постараться все сделать так, чтобы согладатаи не уловили нашего контакта. Написав на своем билете несколько слов, я зажал записку в потном кулаке и принялся осматриваться.

Россия, Санкт-Петербург, 1993 год

Честно говоря, я обалдел от известия о самоубийстве Лиховцева. Неужели он это сделал из-за того, что ему грозил арест и срок? А я ведь обещал оставить его на свободе, если он

признается. Вернувшись к себе в кабинет, я мучительно вспоминал все подробности нашей беседы и все больше убеждался в том, что не срока и не ареста он боялся больше всего. И не во мне было дело. Когда я разговаривал с ним в отделе БХСС, он уже все для себя решил.

Я вспоминал, как он просил разрешения написать письмо жене, но не смог, – видно, не нашел слов. Интересно, передал ли он что-нибудь ей с адвокатом? Эта мысль не давала мне покоя, и я, обзвонив нескольких знакомцев, с большим трудом разыскал телефон консультации, в которой трудился адвокат Васнецов, – у меня ведь не осталось от него ни ордера с реквизитами консультации, ни визитки.

Выяснилось, что Васнецов был членом вновь образованной Международной коллегии адвокатов, куда потихоньку стекались отставные прокурорско-милицейские кадры. Злые языки утверждали, что все эти кадры были в свое время выпихнуты из милицейских и прокурорских структур по порочащим основаниям, чтоб только не сажать их, но я по опыту знал, что среди «международников» попадались и нормальные адвокаты, и откровенные ублюдки, как, впрочем, и среди членов других коллегий.

К вечеру я дозвонился до Васнецова. Голос у него был уставший.

– Ты уже знаешь? – спросил я.

– Ты про администратора? – уточнил Васнецов. – Все, мы эту тему проехали.

Я почувствовал неловкость.

– А как ты думаешь, из-за чего это он?

– Я же сказал тебе вчера, – устало пояснил Васнецов, – Денис Иванович шутить не любит.

– Но не вешаться же из-за того, что Денис Иванович шутить не любит! – заорал я в трубку.

– А что ему еще оставалось? С волчьим билетом потом по шашлычным мыкаться? В приличное место его бы уже не взяли.

– Послушай, Игорь, но свет же клином не сошелся на «Тузе пик». Люди и в шашлычных работают...

– Миха, тебе чего надо? – удивился Васнецов. – Нашего клиента уже не вернешь. У тебя есть предложения к Денису Ивановичу?

– Нет, – сказал я и повесил трубку.

А на следующий день меня вызвал шеф и спросил, почему я дело еще не прекратил по «Тузу пик».

– Александр Михалыч, – я удивился, – за смертью обвиняемого я дело в отношении него прекращу, жду экспертизу трупа. А остальные-то живы!

– Кто это остальные? – недовольно спросил прокурор.

– Ну как... Официант этот, Родионов, и кассирша. У них-то составы в полный рост.

Шеф немного подумал над моими словами.

– Правильно, но составы-то не наши, – наконец заметил он. – Взятка была прокурорской подследственностью, но Лиховцев-то умер. Остался обман потребителей и хищение, а это все милицейские статьи. Дождись заключения из морга и готовь постановление о передаче по подследственности, в РУВД.

– Да ладно, – я махнул рукой, – сам закончу. Там ерунда-то осталась – обвинение предъявить и в суд направить.

Реакция шефа меня поразила: вместо того, чтобы порадоваться моему служебному рвению, – я ж все-таки намеревался дело в суд отправить, улучшив тем самым показатели свои и районной прокуратуры, – он хлопнул ладонью по столу.

– Я сказал – в РУВД, значит, в РУВД!

И вот тут я уперся.

– Почему это я должен передавать дело? Я его закончу. Составы преступления там налицо и доказаны нормально.

– Дело мне на стол, – сухо распорядился шеф.

– Не-а, – сказал я и вышел.

Это был первый случай, когда я так открыто, по-хамски, не подчинился прокурору. Вернувшись к себе в кабинет, я по телефону вызвал на завтра официанта Родионова и кассиршу, предупредив их, что буду предъявлять обвинение, поэтому лучше им прийти с адвокатом. А сам засел за свою старенькую пишущую машинку, такую старенькую, что мастера отказывались ее ремонтировать, когда западали буквы, и с бешеной скоростью отстучал два постановления о привлечении в качестве обвиняемых. Шеф меня в тот день больше не трогал, что окончательно убедило меня в своей правоте.

А вот назавтра, когда я складывал в кучу бумаги на столе, приводя кабинет в относительный порядок перед приходом обвиняемых, прокурор заглянул ко мне в плаще и с портфелем.

– Быстро собирайся, нас в мэрию вызывают.

– Зачем?

– Ты что, совсем дурак? – как-то необходимо спросил прокурор. – Дело это, по ресторану, возьми.

– Да я обвиняемых вызвал, с адвокатами, – безнадежно сказал я, понимая, что никакого предъявления обвинений не будет.

– Давай быстро, – шеф будто бы не обратил внимания на мои слова, – жду тебя в машине.

Он вышел, а я покидал в папку неподшитые бумаги, повесил на дверь записку с извинениями и заторопился вслед за ним.

В мэрии я даже не обратил внимания, к кому мы идем. Шеф, после того как мы миновали строгую охрану, уверенно вел меня по коридорам Смольного, а я по пути переживал, что забыл почистить башмаки, и так этим увлекся, что брось меня шеф тут, на толстой ковровой дорожке, пути обратно я бы уже не нашел.

Наконец шеф, а за ним я робко вошли в какой-то кабинет, с трудом открыв массивную дверь, при этом я совершенно не обратил внимания, что на этой двери написано. За столом сидела пожилая женщина в очках, неброскими импортными одеждами и тонким запахом духов неуловимо похожая на виноватую кассиршу из «Туза пик». Она поднялась нам навстречу.

– Вы из прокуратуры? Сейчас я доложу.

Она скрылась за дверью, ведущей в смежное помещение, и тут же вернулась в приемную.

– Проходите.

Мы прошли. Я был просто подавлен обстановкой, несмотря на то что никто еще на меня не наезжал. Но сама эта атмосфера власти, в кабинеты которой прокурор входит на полусогнутых, подействовала на меня угнетающе, и я, не успев дойти до стола хозяина кабинета, триста раз раскаялся, что полез в бутылку.

Меня охватил такой мандраж, что, находясь лицом к лицу с человеком, сидевшим за столом, я не смог бы потом рассказать, как он выглядит.

Мы с шефом присели к столу по приглашению хозяина кабинета, тот вроде бы даже нам улыбнулся.

– Ну что у вас там происходит, Александр Михайлович? – обратился он к прокурору. – Мафию разоблачили? В общественном питании?

– Прискорбный случай, – забормотал шеф, – мы понимаем, что виноваты...

Я удивился – чего это он оправдывается, но потом сообразил, что шеф имеет в виду самоубийство подозреваемого в камере изолятора временного содержания. Это по понятным причинам рассматривалось как ЧП, одно время по фактам смерти фигурантов даже возбуждали уголовные дела и тщательно расследовали, не довел ли следователь своего подследственного до самоубийства.

– Да уж, – весело подтвердил хозяин кабинета, – чего хорошего. Что, этот ваш следопыт такой страшный?

Он обратил свой начальственный взор на меня. Шеф больно пихнул меня локтем в бок. Я не понял, чего от меня требуется: встать, начать докладывать дело, принести свои извинения или просто прекратить улыбаться, так как я чувствовал, что на рожу мне приклеилась идиотская улыбка, больше похожая на гримасу. Высокое начальство вполне могло счесть это издевательством. Только зря я напрягся, от меня никаких действий не ожидалось; спасибо, что взглядом удостоили.

– Что делать-то думаете? – спросил большой начальник. Естественно, не меня спросил, а прокурора.

– А что тут делать? Проведем служебное расследование по факту самоубийства задержанного, – четко отрапортовал шеф, – дело по якобы имевшим место нарушениям в ресторане прекратим.

Хозяин кабинета удовлетворенно кивнул головой и спросил:

– Ну что, Денис Иванович, поверим на слово представителям правоохранительных органов?

Я повертел головой в поисках Дениса Ивановича, потому что сначала элементарно не понял, к кому человек обращается. Хозяин кабинета посмотрел в угол за наши спины, и вдруг оттуда раздался голос:

– Людям надо верить.

Мы с шефом синхронно повернулись на голос. В углу кабинета сидел, нога на ногу, непринужденно откинувшись на стуле, шикарный господин в сером костюме с искрой. Я был так поражен тем, что в кабинете вдруг оказался еще один человек, что во мне от шока включилось адекватное восприятие действительности, и его-то уж я рассмотрел досконально. Конечно, это был сам Крутов – Барбаросса. Акценты были расставлены куда как ясно. Мы – прокурор и следователь из органа, осуществляющего высший надзор за законностью в стране, – были тут пешками, пылью на ковре, а Барбаросса – еще большим хозяином, чем сам хозяин. Это ведь он приказал чиновнику вызвать нас и уладить вопрос, и чиновник подчинился, вызвал и провел с нами воспитательную работу, а Барбаросса при этом сидел в первом ряду партера, расслабившись, откинув полы пиджака. А прокурор района жался на краешке стула, вцепившись в свой потертый портфель. Про меня уж и говорить нечего...

– Ну что ж, – сказал человек за столом, и мы с прокурором поняли это однозначно. Шеф встал, причем как сидел скрючившись, так и встав, оказался в согбенной позе, чего я за ним раньше никогда не замечал. Вслед за ним встал и я, и мы тихо направились к двери.

– Михаил Геннадьевич, – вдруг окликнул меня голос Барбароссы.

Я обернулся. Крутов уже покинул свой первый ряд партера и стоял возле стола хозяина кабинета. Оказалось, что он очень высокого роста. Костюмчик на нем сидел как влитой, и я поймал себя на мысли, что бабы от него наверняка мрут как мухи. Занятый оценкой его внешности, я сразу даже не сообразил, что он откуда-то знает имя-отчество рядового следака из райпрокуратуры, с которым он расправился одним мизинцем, без всяких видимых усилий.

– А вы хотели дело в суд направить? – спросил он меня вполне добродушно.

– Хотел, – ответил я. Шеф опять больно пихнул меня локтем в бок.

– А зачем? – поинтересовался Барбаросса.

Я не нашел ничего лучшего, чем промямлить что-то про борьбу с преступностью, и Барбаросса улыбнулся. Он развернулся ко мне, держа руки в карманах, и меня ослепил его потрясающий галстук. Вместо дельных мыслей мне почему-то пришло в голову, что у меня никогда не будет такого галстука; да и с чем мне его носить? К такому галстуку положен совсем другой костюм, чем те, в которых я обречен ходить до старости. И совсем другой образ жизни.

– Михаил Геннадьевич, – сказал мне Барбаросса, – суд не должен бороться с преступностью. Задача суда – отправлять правосудие.

Я кивнул, и прокурор потянул меня за рукав.

В приемной пожилая секретарша отметила нам пропуска, и мы побрели обратно, цепляясь ногами за толстые складки ковровой дорожки.

– Фу-у, пронесло, – поделился со мной шеф, потихоньку распрямляясь.

Я кивнул.

– Только этого нам не хватало, – продолжал он светскую беседу. – Сейчас в район приедем, дельце быстро прекратишь, и в архив.

Он вытер потную лысину. Я опять кивнул.

– Да что ты головой все трясешь, как попка?! – вдруг рассердился шеф. У меня хватило ума понять, что не на меня он сердится, а на себя, а вернее, на то, что ему пришлось в моем присутствии стоять согнувшись перед шишкой из Смольного; а ведь он все-таки мой начальник. А я, как попка, снова кивнул.

Из Смольного мы вышли, не проронив больше ни слова. Сели в машину, доехали до прокуратуры, молча поднялись по лестнице. Шеф, не глядя на меня, деловым шагом прошел к себе в приемную, а я сорвал с двери записку с просьбой к вызванным подождать и стал угрюмо ковыряться ключом в замочной скважине. Сзади кто-то кашлянул. Обернувшись, я увидел сидевших на скамейке в коридоре, плечом к плечу, кассиршу и официанта из «Туза пик».

Чем объяснить свои дальнейшие действия, я не знаю. Я по натуре не борец, не комиссар Каттани, и никогда не собирался, подобно легендарному следователю Генпрокуратуры, моему однофамильцу Николаю Вениаминовичу Иванову, объявлять войну существующему режиму. Я вообще как-то не задумывался над существующим режимом; ну, существует он, и ладно. Меня совершенно не трогали политические страсти, я даже не вполне разобрался в своем отношении к ГКЧП, кто там был прав, кто виноват... Мне они все были как-то малосимпатичны и далеки.

Так вот, зачем я все это сделал, я не мог даже себе объяснить, не то что другим. Я пригласил в кабинет сначала официанта, поинтересовался, нужен ли ему адвокат, и услышав отрицательный ответ, сунул ему в рожу постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Тот прочитал документ, без звука расписался где положено, я быстро настроил протокол допроса обвиняемого и предложил ему подождать в коридоре. Он покорно вышел, а я позвал кассиршу. Сегодня она не плакала и не ломала руки. Их наверняка заверили, что все будет тип-топ, волноваться не о чем, и они расценили предъявление обвинения как обычную бюрократическую формальность, без которой нельзя прекратить дело.

Предъявив обвинение кассирше, я быстренько начирикал в протоколе, что она, как и официант, не признает себя виновным, потом переписал в бланк ахинею из ее первоначального допроса – о том, как деньги непонятным путем, сквозь запоры и печати, просочились на волю и запрыгнули в карман оперуполномоченного БХСС. Дал ей эту ахинею подписать, выставил в коридор, в безумном темпе подшил бумажки в корочку, настроил опись документов и позвал их обоих знакомиться с материалами дела.

У них и в этот момент не шевельнулась даже тень подозрения в том, что что-то идет не по плану. Они без интереса пролистали дело, я дал им расписаться в протоколах ознакомления, и они вышли, не поколебавшись в уверенности, что высшие силы все уже решили.

А я, подхваченный каким-то бесовским вдохновением, на одном дыхании наваял рапорт на имя прокурора города о том, что мне дано непосредственным начальником устное указание прекратить уголовное дело, с чем я не согласен, считаю, что дело подлежит направлению в суд, и прошу утвердить обвинительное заключение.

На составление обвинительного заключения у меня ушло рекордно короткое время. К обеду я уже был в городской прокуратуре, и растолкав страждущих с отсрочками, прорвался к заму прокурора города.

Он прочитал мой рапорт и серьезно спросил:

– Другого пути нет?

Я помотал головой. Если бы он потребовал обоснований, я бы встал и ушел. Душевных сил на то, чтобы что-то объяснять, у меня уже не осталось. Но он спросил только:

– А доследа не будет?

Я с честным видом пожал плечами. На самом деле дослед был обеспечен на сто процентов. Стоит кассирше сказать, что деньги из кассы взял администратор на время, воспользовавшись своей властью, и пообещал вернуть, – и ее состав преступления рассыпается в прах, никакого хищения при таком раскладе у нее не будет. Официант к моменту суда тоже может придумать какую-нибудь хитрую версию.

Зампрокурора открыл обвинительное заключение и, прицелившись ручкой, уточнил:

– Ну что, утверждаем?

Я кивнул, и он поставил на первом листе обвинилки размашистую подпись. Забрав дело, я ушел, даже не сказав «спасибо». По указанию заместителя городского прокурора я сдал дело, для отправки в суд, в канцелярию прокуратуры города.

Вернувшись в район, я обнаружил, что никто меня не искал.

Дело, конечно, сразу вернули из суда на доследование. Никто даже версий никаких хитрых не придумывал, придрались к какой-то ерунде и заслали назад. Я об этом узнал от нашей секретарши; а шеф, который по каждому доследу, как и положено, устраивал разбор полетов с криками-воплями, даже не вызвал меня и не погрозил пальцем. Он расписал дело нашему аксакалу, Жоре Мокину, который работал в прокуратуре сто пятьдесят лет, при всех режимах, пил как лошадь, но выгнать его было невозможно, поскольку он был непревзойденным специалистом, и самые тухлые дела выходили из-под его рук как конфетки. Вот только на почве хронического пьянства (мои алкогольные опыты по сравнению с ним были просто детским лепетом) у него так сильно тряслись руки, что написать что-то пером по бумаге он был давно не в состоянии. Шеф ради него выколотил в городской прокуратуре компьютер и поставил Жоре в кабинет, что существенно повысило производительность его труда.

Жора за один день прекратил уголовное дело по факту обмана потребителей и хищения денежных средств. К имевшимся материалам он, не мудрствуя лукаво, добавил всего лишь постановление о прекращении дела в связи с отсутствием в действиях обвиняемых какого-либо состава преступления, даже ради приличия не передопрашивая никого.

Из интереса я пошел к нашей секретарше и ознакомился с плодом Жориного творчества. Прочитав постановление второй раз, я испытал прямо-таки болезненный восторг: я вот до сих пор не научился настолько беззастенчиво...

В постановлении, написанном хорошим Жориным слогом, на трех листах излагалась вся эта драматическая история с обвесом и обсчетом, мечеными купюрами и опечатанной кассой. Жора ничего не упустил, ни одной мелкой детали. А в конце, на трех строчках, делался неожиданный вывод – «таким образом, в действиях перечисленных лиц не имеется состава какого-либо преступления, в связи с чем дело подлежит прекращению».

Судя по всему, шеф такой стиль одобрил, потому что на «корочке» имелась резолюция, нацарапанная руководящей рукой, – «Канцелярия, в архив». Отдав дело секретарше, я подумал, что, может, я несправедлив к Жоре. В том, как он написал постановление о прекращении, можно было усмотреть даже вызов: вот вам, я описал реальную историю, начал за здравие, а закончил за упокой, и если вы этого добивались, миритесь с тем, что белое названо черным. Но до шефа, похоже, этот вызов не дошел, он, скорее всего, кинул взгляд на финальные строки: «Уголовное дело прекратить», и облегченно вздохнул.

А я после этого стал ждать последствий. Наслышавшись о том, что «Денис Иванович шутить не любит», я с некоторым даже сладострастием воображал, как меня сольют из прокуратуры, как сфабрикуют на меня какую-нибудь жалобу, а то и уголовное дело, как подстерегут в подворотне и дадут по башке... Не могу, конечно, сказать, что к моему разочарованию, но –

вопреки моим ожиданиям, ничего этого не случилось. Ни того, чего я боялся, ни чего-нибудь другого.

Вообще ничего не случилось. Я продолжал работать, как работал, никто мне не поминал про двух безвинно репрессированных и одного замученного в камере. Ко Дню прокуратуры я вообще получил благодарность, несмотря на то что в моем отчете значился серьезный брак: возвращение дела на дополнительное расследование и двое необоснованно привлеченных к уголовной ответственности.

Дошло до того, что я стал даже сомневаться во всемогуществе Барбароссы. Но ему, понятное дело, было все равно, что я там про него думаю, могущества у него от моего мнения никак не поубавилось. Вскоре я услышал, что он избрался депутатом Госдумы. С операми из БХСС мы всю эту историю никак не обсуждали; как будто не было контрольной закупки, возбуждения и прекращения уголовного дела.

А через полгода страшный пожар уничтожил ресторан «Туз пик», здание выгорело дотла, и на пепелище разбили сквер. Я полюбил пить там пиво после зарплат. Если, конечно, погода позволяла.

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

На солнечной стороне арены было безумно жарко. Голову мне нещадно пекло, в горле опять пересохло. Я снова не устоял перед искушением купить холодненькую бутылочку минеральной воды у торговца, ловко пробиравшегося со своим большим ящиком – переносным холодильником на ремне – между рядами и предлагавшего зрителям пиво, колу, воду и мороженое.

Ругая себя за отсутствие силы воли, я глотнул воды и приложил ледяную бутылку к груди. Зрители, пришедшие на корриду, постепенно расселись и утихли. Я заметил, что с крыши высотного дома, примыкающего к арене, в бинокль наблюдают за происходящим какие-то местные жители, и подумал, что это очень удобно, тем более что места на крыше относились к категории «Sombra» благодаря какому-то хитрому навесу.

С противоположной стороны трибун вдруг грянула музыка. Небольшой оркестрик, состоявший из пяти-шести пожилых музыкантов в черных брюках и белых рубашках с короткими рукавами, с галстуками-«бабочками», заиграл что-то такое очень испанское, подходящее случаю. Все захлопали и закричали, а сидящие в ложе под оркестром трое солидных мужчин встали и раскланялись. А потом все опять стихло, и вступили музыканты.

Они дули в трубы, ударяли в литавры, и над трибунами пронеслось что-то необъяснимое. Я почувствовал это, потому что у меня перехватило дыхание, я забыл, что пришел сюда вовсе не на корриду любоваться, а с определенной целью. Мне показалось, что я – один из этих темпераментных испанцев, каждый из которых в душе тореадор, я с ними заодно и готов выскочить сейчас на засыпанную песком арену, чтобы сразиться с черным рогатым чудовищем, изрыгающим ярость.

Коррида еще не началась, а я уже стал понимать отношение испанцев к этой жестокой национальной забаве. То ли музыка на меня так действовала, то ли вдохновенная толпа на трибунах, но у меня в душе взмывала героическая тема. Я вообще забыл, кто я такой; вокруг играли гитары, звенели трубы, черноволосые красавицы в красных юбках обольстительно улыбались, выбирая лучшего из героев...

Под музыку на арену вышли три тореадора, в разноцветных костюмах, расшитых блестками. Поначалу я удивился, насколько эти опереточные костюмчики, с узкими короткими обтягивающими штанами, куцыми жакетиками, чулками и туфлями-балетками не вязались с героической профессией тореадора. Но когда они стали обходить вокруг арены, улыбаясь и приветственно размахивая руками, я отметил, что выглядели они даже в этих блестках муже-

ственно и совсем не опереточно. Голос в динамике что-то говорил по-испански, и я уловил знакомое имя: «Хуан Марин». Тореадор в красном костюме раскланялся, и я увидел, что он похож на молодца, нарисованного на афише. Теперь все мое внимание было сосредоточено только на нем.

Сделав круг почета, тореадоры удалились. Арена опустела. Музыканты молчали. Все внимание зрителей устремилось на запертые ворота, откуда, как я подозревал, должен был вырваться бык.

И бык вырвался! Ворота раскрылись, наглухо отгородив служителя, их отворявшего, от разъяренного животного, выскочившего из загона на арену.

Тореадор пока не появился, по песку бегали молодые ребята в таких же, как у него, узких штанишках и куцых жакетиках, но не главные тут, а как я понял, какие-то подмастерья, чья цель, судя по всему, состояла в том, чтобы раздражить быка. Бык с разбегу попытался размазать одного из них, слишком смелого, по барьеру, отделявшему арену от трибун, но ткнулся рогами в высокий щит, за который успел спрятаться ловкий подмастерье. Щит затрещал, по трибунам пронесся рев. На арене каким-то образом оказался первый тореро, в синем с золотом костюме. Зрители зааплодировали, он помахал рукой и устремил все свое внимание на быка. Но бык, так охотно гонявшийся за подмастерьями, на тореро не клевал. Как только подмастерья скрывались за щитами, бык просто останавливался где попало и плевать хотел на тореадора. В конце концов он перестал реагировать даже на подмастерьев, встал посреди арены и задумался, время от времени отмахиваясь головой от приставучего тореро, который бегал вокруг него и тщетно пытался его растормошить. Постепенно энтузиазм тореадора стал затухать, круги стали уже, и он остановился в трех метрах от быка, явно не зная, что делать дальше.

Трибуны бурно участвовали в процессе, экспансивно выражая свое отношение к вялому быку и неумелому тореро. Сидевший позади меня молодой испанец в белой майке, который все время что-то громко обсуждал со своим пожилым соседом, не выдержал, вскочил ногами на сиденье и, размахивая бутылкой с пивом, страстно заорал что-то, что лично я для себя перевел как: «Не спи, урод! Двигайся, черти тебя возьми, двигайся!»

Правда, я не понял, к быку он адресовался или к тореро, но целиком и полностью к нему присоединился.

Зрители уже откровенно негодовали, но тут на арене появился мой герой – Хуан Марин в красном костюме. Он перехватил инициативу у растерявшегося коллеги, но суетиться вокруг противника не собиравшись, гордо прошелся мимо засыпавшего быка, и тот встрепенулся и повел огромной головой в его сторону. Марин же, как бы не обращая на быка внимания, пошел дальше, потащив за собой малиновый плащ с желтым подбоем, которым должен был дразнить животное. Бык потянулся за плащом и стал рыть песок передними копытами. А Марин вел себя так, будто он абсолютно один на арене – прогуливается и собирает цветочки.

Когда Марин удалился от быка на приличное расстояние, так и не оборачиваясь на него, бык нагнул голову и угрожающе заревел. Марин и ухом не повел; тогда бык чуть подался назад, набирая инерцию, и рванулся на Марина.

Но тот, хоть и был спиной к быку, в самый последний момент по-балетному изогнулся, и бычьи рога просвистели в каких-то миллиметрах от спины тореро. Бык пролетел мимо и затормозил, взрыв копытами песок; заметно было, что он обалдел. Помотав головой, он развернулся и снова понесся на Марина. Марин опять увернулся, при этом создавалось впечатление, что он просто не замечает носящуюся вокруг него черную тушу. Бык в считанные секунды дошел до крайнего градуса, он бил копытами и ревел, мчась туда-сюда по арене. Я подумал, что Марин пользуется в отношениях с быком той же стратегией, что и я в отношениях с девочками: симулирует полное безразличие, которое моментально вызывает бурный интерес у объекта внимания. Только мне эти штучки не удавались, а Марин сыграл ловко.

Выполнив свою миссию, Марин спокойно удалился за барьер, передав инициативу синему тореро. Тот еще побегал перед быком, после чего на арену из боковых ворот выехал сурово экипированный рыцарь на каком-то владимирском битюге, закованном в кожаные латы. Бык, еще разгоряченный погоней за Марином, разбежался и ударил лбом прямо в бок лошади, к счастью, закрытый кожаной броней. Лошадь покачнулась, но устояла. Бык разбежался снова и, подсунув рога под край брони, приподнял лошадь так, что рыцарь, вооруженный пикой (я вспомнил, что он называется пикадор), с трудом на ней удержался. Пикадор, видно, в отместку быку, сверху всадил ему в холку тяжелую пику; на холке показалась темная бычья кровь, а пикадор снова ударил его, и я впервые осознал, что для быка это кончится плохо; что игра завершена, началось убийство.

Пикадор еще несколько раз ударил быка в холку своим нешуточным оружием и неторопливо уехал с арены. По темной шерсти несчастного животного текла кровь, запекаясь багровыми дорожками, время от времени бык ревел и бесцельно носился по песку, ударяясь рогами в щиты, за которые прятались ассистенты тореадора. Сам синий тореадор принял от ассистентов бандерильи, и взяв за пестрые хвосты, поднял их вверх в изящно изогнутых руках.

Я видел, как эти штуки продавали внизу в качестве сувениров, и знал, что под их яркой пушистой оплеткой скрывается металлический стержень, на конце которого – острейший крюк. Подманив к себе быка, тореро встал на пуанты в своих балетных тапочках и всадил эти жуткие крючья в холку быку, и без того уже истерзанную.

Трибуны взорвались аплодисментами, некоторые из зрителей сорвали с себя белые майки, кепки и косынки и стали размахивать ими. Оркестранты вдарили по инструментам с особым чувством. Бык стал носиться по кругу, мотая головой, пытаясь сбросить с себя эти ненавистные предметы, но похоже, его старания только усиливали боль. Наконец ему удалось стряхнуть одну из бандерильи, а вторая так и осталась болтаться в черной шкуре.

Тореро тем временем принял от помощников еще парочку бандерильи, уже другого цвета, и стал гоняться за быком, чтобы вонзить в него новые крючки. В этом была непонятная мне жестокая эстетика – железные крюки, разукрашенные веселым пухом, впивались в живое бычье тело и висели на нем жуткими украшениями, заставляя его страдать, пока бык метался по арене. Все это происходило под бравурную музыку, исполнялось балетными движениями и вызывало одобрительные выкрики народа.

Наконец тореадору подали какой-то длинный острый клинок или шпагу, я не рассмотрел. Он завернул ее в красный плащ («мулета», – сказал кто-то позади меня), и у них с быком начался странный танец смерти.

Грациозно поднимаясь на цыпочки, тореадор тряс плащом перед носом быка. Измотанный раненый бык то кидался на человека, то поворачивался к нему задом, оглашая арену страдальческим ревом. Тореадор все время находился в опасной близости от быка, но за время корриды я так привык, что он легко от быка уворачивается, а бык слепо промахивается, что зрелище для меня утратило свою остроту.

И как раз в тот момент, когда я заскучал, разглядывая балетные па синего тореадора, бык вдруг резко развернулся к нему и ударил в грудь рогом.

Тореадор явно не ожидал этого выпада; он выпустил из рук плащ с завернутой в него шпагой и пошатнулся. Трибуны ахнули, и я вместе с остальными ахнул и замер; если бы в этот момент бык возобновил атаку, он стал бы победителем. Но бык вдруг упал, подломив передние ноги, и синий тореро, левой рукой то и дело хватаясь за ушибленную сторону груди, подошел к нему и остановился в двух шагах.

Упавшую на арену шпагу тореро не стал поднимать, к нему подскочил один из подмастеров и подал новую, а валявшуюся на песке подобрал и унес. Дальнейшее уже совсем не походило на корриду, а вызывало ассоциацию с бойней: тореро сделал шаг к быку, так и застывшему головой в песок, отвел руку со шпагой, прицелился и нанес острием быстрый удар между

рогов быка. По телу быка прошла мгновенная судорога, он повалился на бок и затих. Трибуны взревели. Но бык вдруг поджал под себя ноги и попытался встать, перевалившись на грудь. Тореро запрыгал вокруг него, ему поднесли клинок, он нацелился на точку между рогов быка и ударил второй раз, этот удар оказался для быка смертельным.

Зрители снова сорвали с себя белые вещи, вытащили белые платки и отчаянно замахали ими. Синий тореро стал раскланиваться, ему аплодировали, хотя я бы аплодировать ему не стал, потому что невелика заслуга справиться с раненым беспомощным животным.

Я как-то не думал о том, что, даже раненый, бык весит в десять раз больше, чем этот стройный юноша; и что отсюда, со зрительского места, происходящее на арене наверняка воспринимается иначе, чем в непосредственной близости от разъяренного животного, хоть и истекающего кровью, но способного рогом поднять в воздух лошадь.

Под торжественную духовую музыку тореро подошел к погибшему быку и красивым взмахом ножа отсек его левое ухо. Толпа взревела, а меня замутило. Когда же из ворот выехали лошади в шорах, везущие за собой какую-то странную конструкцию, типа крестьянской бороны, к этой бороне прицепили тело мертвого быка и потащили его волоком через всю арену, я чуть не заплакал от жалости к быку, который честно сражался против превосходящих сил противника и не заслужил после смерти такого унижения.

Я был разочарован корридой, не понимал ажиотажа окружающих и страшно жалел быка. Но деться было некуда, а в афише было заявлено шесть быков, по два на каждого торедора, и я приготовился терпеть.

Еще одного быка по уже известной схеме убил тот же синий тореро, потом с двумя быками расправился его коллега в желто-зеленом костюме. Под конец я даже заскучал. Все эти убийства меня не впечатлили, исход каждого поединка был ясен с самого начала, шансов ни у одного из быков не было, несмотря на то что эти торедоры вовсе не проявляли чудес ловкости и постоянно роняли шпаги, которые были предназначены для добивания быков. Я отметил, что никто из них не поднимал упавшую шпагу, ее подбирали и уносили ассистенты, а торедору подавали новую. Наверное, поднимать шпагу с песка считалось плохой приметой или дурным тоном.

Трупы быков увезли тем же униженным способом, служители заровняли вспаханный в битве песок арены, музыканты ударили в литавры, и перед нами появился красный тореро, Хуан Марин.

Россия, Санкт-Петербург, 1995–2000 год

В 1995 году прокурор нашего района пошел на повышение, в горпрокуратуру, начальником Управления по надзору за органами внутренних дел, и перетащил в город меня, но не к себе в управление, а в следственную часть. Там тоже ощущалась нехватка следователей, специализирующихся на хозяйственных преступлениях, все любили кровавые драмы, или, на худой конец, дела о преступных сообществах, а охотников закопать в пыльные бухгалтерские книги, вроде меня, можно было пересчитать по пальцам.

Я год поработал старшим следователем, а потом освободилась вакансия важняка⁷, и меня аттестовали на эту должность. На заседании аттестационной комиссии меня слегка пожурили за мое холостое положение, и даже припомнили квартиру – мол, мы вам создали жилищные условия, а ваше дело создать семью, поскольку холостой человек в вашем возрасте инстинктивно вызывает некоторое недоверие у руководителей.

Я про себя усмехнулся; я бы еще понял, если бы кто-то прошелся по моим взаимоотношениям с алкоголем: мои красные с похмелья глаза красноречиво свидетельствовали о том,

---

⁷ Жаргонное название следователя по особо важным делам.

что у меня в этом смысле не все в порядке. А потом, нельзя было сказать, что сидящие в аттестационной комиссии прокуроры и начальники отделов являлись образцами для подражания. Один был женат уже четвертый раз, причем все время женился на своих помощницах, другой имел сразу две семьи, где каждый год рождалось по ребенку, почти одновременно, и счастливый отец обыкновенно мотался в два роддома сразу; все об этом знали, но судя по их стремительному карьерному росту, такое их семейное положение ни у кого не вызывало инстинктивного недоверия. Я, правда, считал, что чем так, лучше никак.

Но на этот мой недостаток мне было указано просто для поддержания беседы. На должность меня назначили, и я стал следователем по особо важным делам.

Мои старые кореша Рома Авдеев и Коля Шевченко к тому времени тоже повысились, перешли в городское Управление по борьбе с экономическими преступлениями. Два раза в год я приезжал поздравлять их: шестнадцатого марта с Днем ОБЭП и десятого ноября с Днем милиции. Они меня – тоже два раза в год, на День прокуратуры и день рождения. Мы запирались в кабинете, доставали коньяк или хорошую водку, в последние годы они привозили виски «Джонни Уокер» с голубой этикеткой. Поднимали тосты, рассказывали последние сплетни, вспоминали работу в районе. У меня все время болтались какие-нибудь практикантки, юные, длинноногие, холеные, иногда мы их допускали к столику за то, что они готовили нам закуску; а когда они уходили, мы перемывали им косточки и делились впечатлениями. Только две темы между нами были табу и никогда не упоминались: «Туз пик» и Барбаросса.

Практикантки практикантками, а мое семейное положение так и не грозило измениться в ближайшее время. Я уже смирился со званием старого холостяка, но при этом вел себя как женатый человек, в том смысле, что домой к себе девушек водить избегал, предпочитал встречаться с ними на нейтральной территории. А если у девушки было плохо с жильем, то годился и кабинет.

Только не надо думать, что я пошло раскладывал своих практиканток на столе. К тому времени прокуратура города переехала в новое здание на Исаакиевской площади, кабинеты отремонтировали, поставили там хорошую офисную мебель, которую я дополнил уютным диванчиком; на нем удобно было ночевать, если приходилось задержаться на работе, и еще на нем вполне можно было поухаживать за девушкой.

Пару раз я получал из районов большие многоэпизодные дела о должностных преступлениях, где в качестве адвоката подвизался мой однокурсник Игорь Васнецов. Но еще до того, как дело попадало в мое производство, он аккуратно соскакивал с темы, и с того памятного дня, когда он появился передо мной в качестве адвоката от Барбароссы, нам с Васнецовым больше не приходилось пересекаться по работе.

Впрочем, по жизни мы тоже не пересекались, только в двухтысячном году встретились на десятилетии выпуска, которое отмечали в небольшом кафе на Петроградке. Кафе образовалось из крошечной забегаловки рядом с общежитием юрфака; с директором его мы были знакомы еще со студенческих времен.

Проживая в общежитии, мы это кафе посещали очень активно, главным образом из-за того, что таскали оттуда в общагу посуду. Помню, что Васнецов задружился с директором и пригласил его к нам в общежитие на какой-то праздник. Накрыли столы, пришли гости, и директор с изумлением увидел на столах сплошь тарелки и чашки, потыренные из его заведения. Был скандал...

На отмечании десятилетия окончания юрфака стало очень заметно социальное расслоение нашего курса. К моему удивлению, оказалось, что в прокуратуре со всего курса работают только три человека: я да еще две девчонки помощницами в районах. Милиционеров было всего двое, один, Петя Вишневский, работал в РУОПе, второй в убойном отделе главка. С Петей мы в студенческие годы зарабатывали на швейных машинках: вместо того, чтобы сидеть на лекциях, занимались гешефтом, который состоял в следующем.

В «Пассаже» продавались вязальные машинки «Нева-5». Они тогда стоили около двухсот рублей, на них дома умельцы вязали «кооперативные» свитера, можно было наладить целое производство. В Автово было заведение под гордым названием «Техник-клуб», а на самом деле – обычная барахолка, где эти машинки можно было толкнуть спекулянтам рублей по семьсот-восемьсот; те, естественно, перепродавали их куда дороже. Каждый день в «Пассаже» выбрасывали несколько таких вязальных машин. С раннего утра, а вернее, с ночи, часов с четырех, надо было занять очередь и сразу после открытия первыми влететь в «Пассаж». Там к открытию всегда собиралась большая толпа, поэтому для успешного осуществления мероприятия требовалось несколько человек. Ты бежишь к нужному отделу, а остальные оттесняют народ. Ты первым прорываешься в отдел и покупаешь все машинки – две или три, сколько их выкинули в этот день, потом идешь к выходу, ловишь такси, везешь товар на барахолку и толкаешь спекулянтам.

За один день могло получиться тыщи полторы чистого навару. Но если учесть, что бутылка виски тогда стоила триста, не такие уж это были большие деньги.

Это называлось «крутиться на машинах». Были группы, которые крутились на кухонных комбайнах или на другой домашней технике. Нас в «Пассаже» знали, говорили – а, это парни, которые на машинах крутятся.

Я тогда втайне гордился собой, считал, что занимаюсь бизнесом. Конечно, до размаха Дениса Ивановича Крутова нам было далеко, поэтому я в итоге оказался в прокуратуре, а он в Государственной думе. А некоторые ведь тогда с этих вязальных машинок и кухонных комбайнов неслабо раскрутились и стали бизнесменами. А я все свои заработанные денежки профукал на виски и девушек. Нет, не только – еще матери купил зонтик и духи. Судя по тому, что Вишневский в итоге тоже оказался не в большом бизнесе, а в РУОПе, и он свой навар потратил бездарно.

Встретившись на годовщине выпуска, мы с Петькой посмеялись, вспомнив наш гешефт.

Почти все остальные наши однокашники к госструктурам отношения не имели и активно зарабатывали деньги, будучи адвокатами или юристами в серьезных фирмах. Пять человек были судьями; в общем, я оказался на предпоследнем месте, ниже меня были только менты, а судьи и адвокаты смотрели на нас, грешных, сверху вниз.

Продвинутые юристы разговоры вели про свои новые модели иномарок, про летний отдых в модных местах, про большие квартиры, которые они прикупили в центре города и вот теперь ищут приличных дизайнеров. Под конец встречи мы, отверженные, как-то сами собой сгруппировались в отдельном углу: прокуроры с ментами и двое пьющих юристов, работающих не по специальности. В нашу компанию случайно затесалась пьяненькая Галка Мартон, сотрудница Комитета по управлению городским имуществом; она повисла на Петьке Вишневском и жаловалась ему на то, что у нее за год угоняют уже четвертую машину.

– А чего милиция? – спросил Петька.

– Чего милиция? – Мартон уставилась на него, моргая.

– Ну, ты в милицию заявляла? Они ищут? Если хочешь, могу поговорить с восьмым отделом УР.

– Ты чего, Петенька? – Галка пьяно захихикала. – Как же я в милицию заявлю? Меня же спросят, откуда машины. Не-ет, я никуда не заявляла. Я просто каждый раз новую покупаю. Вот теперь придется уже пятую покупать...

Естественно, Жигулев со своей женой – урожденной Татаренко, а также адвокат Васнецов, как принадлежащие к избранным, тусовались в другом углу. Вообще наши девушки за прошедшие со дня окончания юрфака десять лет отнюдь не расцвели, и мой лично глаз на них не отдыхал. Только вот Женька Татаренко практически не изменилась: те же длинные ноги, та же большая грудь и добрая улыбка. А вот супруг ее Жигулев стал еще противнее на вид, еще жирнее, зачем-то он отрастил волосы, которые сальным веером лежали на воротнике его

костюма. Он в общих разговорах почти не участвовал, просто смотрел, как Женька танцует с Васнецовым.

Ну, а плейбой Васнецов за эти годы стал ничуть не хуже, а, пожалуй, даже интереснее, он заматерел, что ему, безусловно, шло, одеваться стал еще лучше, бриллиант с пальца снял, зато галстук закалывал булавкой с крупным сапфиром, и смотреть на них с Женей, танцующих, было одно удовольствие.

Когда у Васнецова зазвонил мобильный телефон и он, извинившись, отошел поговорить, я выбрался из своего угла и пригласил Женьку на танец. Она, как мне показалось, даже обрадовалась. Когда-то у нас с ней были неплохие отношения.

Мы потоптались посреди кафешки под музыку, поболтали о чем-то незначительном, и мне стало ясно, что Женьку от ее дорогого супруга Жигулева просто с души воротит, и что она до сих пор равнодушна к Игорю Васнецову. Нет, она мне, конечно, ничего не говорила, но десять лет на следствии дают себя знать.

Теперь, десять лет спустя, я уже другими глазами смотрел на Васнецова; если в студенческие годы он мне казался недостижимым мужским идеалом, то теперь я видел, что он фанфарон и пустышка, любитель покрасоваться, капризный и бесчувственный. И от души пожалел Женьку – ведь неплохая же баба, что она в нем нашла? Супер-экстерьер? Ведь больше-то ничего нету.

Женька сказала мне, что не работает, сидит дома. Детей у них с Жигулевым не было. Чем же она занимается целыми днями, бедная, подумал я. Вот такой я был тогда дурак.

Странно, но Жигулев, только что спокойно наблюдавший, как его жена танцует со своей давней и неувядшей любовью – Васнецовым, нашего танца не выдержал, выгрузился из-за стола и, подойдя к нам, дернул Женьку за руку.

– Отдохни, лапа, – сказал он ей, и я повел Женьку к ее месту за столом.

Жигулев шел за нами, отодвинул даме стул, она села, а он, к моему удивлению, показал на соседнее свободное сиденье и предложил мне выпить с ними. Я присел и пригубил коньяку. Сам Жигулев не пил, просто вертел в руке рюмку.

– Ну ты как? – помолчав, спросил он.

– Нормально.

– Срываться не собираешься?

– А что?

– Нет, ничего, – сказал Жигулев, глядя в рюмку. – Я скоро, бог даст, открываю частное детективное и охранное предприятие, нужны кадры.

– Спасибо, – ответил я, – буду иметь в виду.

Я даже улыбнулся Жигулеву, но в душе меня перекосило. Даже не знаю, от чего – от интонации его, что ли? Мы же вместе учились, прогуливали лекции, сидя в пивбаре, и списывали друг у друга на семинарах, в общем, были на равных. А теперь он будто прислугу нанимает. Да, собственно, так оно и есть. Он там будет хозяином, а я – наемным работником.

Жигулев, по-прежнему не глядя на меня, вытащил из внутреннего кармана пиджака визитку.

– Там на обратной стороне написан номер мобильного, если что – звони, – сказал он.

Мы перекинулись еще парой-тройкой ничего не значащих фраз, и я вернулся на миллиейско-прокурорский конец стола. Гали Мартон там уже не было, Вишневский сказал мне, что отправил ее домой на такси.

– Ну что, вербовал тебя Виталька? – спросил Вишневский, кивнув в сторону четы Жигулевых. Игорь Васнецов, отлучившись под предлогом телефонных переговоров, так и не вернулся, и Женька сидела грустная.

– В свою охранную структуру? Вербовал. А ты откуда знаешь?

Вишневский усмехнулся.

– А он всех ментов наших обошел сегодня и всем предложил у него работать. Мы с ним чокнулись и выпили. Я обвел глазами веселящихся однокурсников.

– Слушай, а может, плюнуть на все? И пойти к Жигулеву? Только сначала хочу понять, зачем это ему. Частный детективный бизнес ведь дело ненадежное. Где он заказов наберет? Если клиенты не повалят, будем сидеть, лапу сосать.

Вишневский уставился на меня.

– Ты что, родной? Неужто ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– А то, что Виталик не из тех людей, которые рискуют. Папа Женечки давно в Москве, ты знаешь? В администрации президента. Не даст пропасть зятю. Я даже слышал, что это его идея. Так надо президенту.

– А начальный капитал? Это ж надо помещение, технику, персонал оплачивать, да мало ли что...

Вишневский, слушая меня, взглядом следил за тем, как в кафе вернулся отговоривший по телефону Васнецов, подсел к чете Жигулевых, как засветилась при этом Женька, а выражение лица Виталика совсем не изменилось.

– Начальный капитал тоже есть.

Он кивнул в сторону Васнецова.

– Они партнеры, совладельцы.

– Партнеры? – Я присвистнул. – Послушай, Петро, объясни мне, может, я чего не понимаю? Почему Виталик все это терпит столько лет? Ведь и ежу ясно, что этот плейбой до сих пор спит с Женькой. А если не спит, то Жигулеву должно быть вдвое обиднее; вон как Женька на Васнецова смотрит, при живом-то муже. Прямо сейчас раздеваться начнет.

– Дитя, – снисходительно посмотрел на меня Вишневский. – Зачем, говоришь, терпит? Объясняю. Папа Жени близок к президенту.

– Ну и что?

– Не перебивай. Поэтому Жигулев с Женечкой не разведется никогда. Ну, по крайней мере, пока папа будет близок к президенту.

– А Женька? Им-то с папой зачем нужен Жигулев?

– Объясняю. Жигулев близок к Васнецову. Васнецов близок к Барбароссе. Слышал про такого?

Я усмехнулся.

– А Барбаросса, надо понимать, близок к папе Татаренко?

– Ну да. Вопросы еще есть?

– Нет. Спасибо, старик, что все мне, тупому, разъяснил. Мне даже стало понятно, откуда начальный капитал. А то я сомневался, что Игореха нажил его непосильным адвокатским трудом.

– Молодец, соображаешь. Не прошло и года, а ты уже врубился.

– Может, агентство так и называться будет – «Барбаросса»?

– Может. А что это ты так возбудился?

– Я спокоен, как танк, – злобно сказал я и отхлебнул чего-то из стакана, даже не понял, чего по вкусу.

– Ага, я вижу. У тебя что, какие-то терки были с Барбароссой?

– Что ты, Петя, – раздельно произнес я. – Какие у меня могут быть терки с Барбароссой?! Кто он и кто я?!

– Это да, – согласился Петя. – Пойдем покурим?

Хоть я и не курил, но потащился за Петькой на воздух. С Невы дуло речной свежестью, солнце заходило, мягко отражаясь в стеклах верхних этажей, и под эту благодостную обстановку Вишневский вытянул из меня всю историю с «Тузом пик» и Барбароссой. Я, кстати, до того

момента и не отдавал себе отчета, насколько глубоко меня та история зацепила и как больно сидела во мне занозой.

– Между прочим, до сих пор не понимаю, почему для меня это все осталось без последствий, – пожаловался я Петьке.

– А какие тебе последствия нужны? – удивился он. – Выговор тебе дали?

– Нет.

– Что, даже выговора не было? За необоснованное привлечение?

– Не было.

– Слушай, а ты чего ждал? Строгого расстрела?

– Я думал, он будет мне мстить...

– Кто? Барбаросса? Ну, Миха, у тебя мания величия. Зачем ему тебе мстить? Дело ведь прекращено?

– Ну да.

– А что ему еще надо было?

– Да, пожалуй, что ничего.

– Вот именно. Кто ты для него? Пешка безымянная.

– Ну да, наверное.

– Во-первых, Барбаросса не делает лишних движений. А если уж мстит, то мстит равным себе, – продолжал Вишневецкий. – Будет он об тебя руки пачкать. Он, небось, и фамилии твоей не знает.

– Фамилии не знает, – задумчиво сказал я. – А вот имя-отчество...

И хотя столько лет прошло, у меня прямо в ушах зазвенело, до молекул вспомнилась солидная тишина смольнинского кабинета, и в ней доброжелательный голос Крутова: «Михаил Геннадьевич, а вы хотели дело в суд направить? Суд не должен бороться с преступностью. Задача суда – отправлять правосудие».

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Я понял, что в этой тройке молодых тореадоров, которым доверено выступить на небольшой, но не самой последней арене Испании, фаворитом является мой красный тореро, Хуан Марин. То, что происходило до него, было всего лишь прелюдией, разогревом, как перед выступлением звезды зрительный зал заводят малоизвестные исполнители. Как только Марин вышел на середину арены, вскинул руки и поприветствовал публику, я снова почувствовал интерес к корриде.

Как обычно, распахнулись тяжелые ворота, и из загона вылетел огромный рогатый зверюга, но не черный, а темно-коричневой масти. Высыпавшие было на арену подмастерья стыдливо попрятались обратно за щиты, их присутствие не понадобилось. Быком безраздельно завладел Хуан Марин. С той секунды, как они встретились посреди арены, бык видел только Марина, из ноздрей его вырывался пар, и по морде было видно, что он страстно ненавидит тореадора и стремится его уничтожить, пусть даже ценой собственной жизни.

Марин же к этой паровозно рычащей громаде относился снисходительно и не желал ему смерти, а впрочем, как получится. Он станцевал вокруг быка прямо-таки концертный номер, взмахивая красным плащом то так, то эдак, вертелся на цыпочках, равнодушно удалялся от зверя, стремительно поворачивался к нему и безрассудно проводил рукой по бычьим рогам. При этом он успевал поулыбаться трибунам и вообще не забывал о том, чтобы почтеннейшая публика за свои деньги получила удовольствие.

Бык же выпученными от ярости глазами видел только Марина, следовал за ним как приклеенный и от каждого движения тореадора зверел все больше. И если во время выступлений прежних тореро я в быках видел жертву обстоятельств, то сейчас угроза, исходящая от быка,

была более чем реальной. Чувствовалось, что, играя с разъяренным животным на потеху нам всем, тореадор по-настоящему рискует жизнью. И это заставляло с замиранием сердца следить за поединком, забыв обо всем и не отвлекаясь ни на секунду. Все сидящие на трибунах стали такими же заложниками воли Марина, как и шоколадного цвета зверюга на арене; все до единого водили за ними глазами и дружно ахали, когда быку в броске за противником не хватало всего сантиметра, чтобы поддеть Марина мощным рогом.

Когда Марин удалился с арены, предоставив поле боя двум неповоротливым пикадорам, я перевел дыхание, допил воду из пластиковой бутылочки и собрался с мыслями.

Как только коррида закончится, мне нужно будет быстро выскочить в служебный проход и каким-то образом передать Марину записку. Если это он заказчик и его человек по каким-то причинам меня не встретил, может, он сам найдет возможность пообщаться со мной. На краю своего билета на корриду я написал: «*Sanct-Peterburg, Zhigulev agency. Autobus station 21.30*». Я уже прикинул, в каком месте я перемахну ограждение и куда денусь после того, как суну тореадору свой билетик с посланием.

Никакого другого места встречи, кроме автобусного вокзала, я придумать не смог. После корриды я отправлюсь туда и буду ждать Хуана Марина. Правда, я не подумал, как мы будем объясняться, на каком языке, поскольку у меня-то с языками полный швах. Когда я учился в университете, мы сдавали «тысячи» по английскому доброй пожилой преподавательнице Татьяне Ивановне, снисходительнее которой на свете не было, но даже с учетом этого у меня по языку возникали проблемы. Помню, как-то Женька Татаренко, которая бойко лопотала по-английски, сдала очередные «тысячи» и призналась Татьяне Ивановне, что потеряла тетрадку, заведенную у каждого, где отмечались наши достижения в неравной борьбе с иностранным языком.

– Потеряла, потеряла, – заворчала Татьяна Ивановна. – Хорошо, у Татьяны Ивановны все записано. А если бы я заболела или умерла?

– Я бы еще раз сдала, – беззаботно пожала плечами Женька.

Я, напряженно следивший за диалогом, поскольку следующая очередь была моя, завистливо вздохнул, и у меня помимо воли вырвалось признание:

– А я бы застрелился... – И все заржали.

Между тем пикадоры на арене уже пролили кровь обезумевшего быка, который, ничего не соображая от ярости, тупо бодал закованные в кожаные латы лошадиные крупы и не реагировал даже на удары пикой. По его шоколадному боку текли широкие багровые струи, мгновенно запекаясь на солнце.

Выждав, когда бык устанет, пикадоры с достоинством уехали на своих покачивающихся битюгах, и снова появился жизнерадостный и озорной Хуан Марин. Ассистенты поднесли ему красно-желтые бандерильи, под цвет его красного, расшитого золотом, костюма, он привстал на цыпочки и, воздев руки с бандерильями, будто взлетел в воздух и точехоньким ударом всадил крючки в без того уже окровавленную бычью холку.

Зрители не успели еще разразиться аплодисментами, как Марин таким же отточенным движением украсил быка еще парочкой цветных бандерильи. Ни одна из них не упала, хотя бык, пытаясь освободиться от них, чуть на дыбы не вставал; и как он ни прыгал, все равно на холке быка эти яркие штуки располагались красиво, словно причудливый цветок, распустившийся посреди блестящих выпуклых полос бычьей крови.

Наконец настал черед смертельного танца с плащом-мулетой и шпагой. Перед тем как завернуть поданную ассистентом шпагу в красную мулету, Хуан Марин осмотрел клинок, примерил в руке его тяжесть, выдохнул (и все трибуны выдохнули вместе с ним) и встал прямо перед быком, в метре от его покрытой пеной морды, отведя назад мулету, открыв быку ничем не защищенную грудь. Мало того, он постоял так, раскачиваясь на носках, слегка повел плечами, словно говоря быку: ну что же ты, пользуйся, вот я даю тебе шанс, попробуй поразить

меня, если хватит сил. Вот тебе мое сердце, ударь! Не смеешь? Ну, тогда держись! Тогда я возьму твое сердце...

Над Плаза де Торос стояла тишина, но клянусь, мы все слышали каждое слово вызова, который Марин бросал быку. Бык в ответ фыркнул, помотал головой, стряхивая с морды пену, потом поднял голову к солнцу, стоявшему в дымке над краем арены и замычал, грозно и одновременно жалобно. Он ненавидел тореадора и восхищался им. И Марин отдавал своему противнику должное, зная, что он победит огромного быка, но это будет честная победа. Они с быком переглянулись и оба сделали неуловимое движение навстречу друг другу. А потом бык рванул свое громоздкое тело к мулете. Мулета взлетела, пропустив тушу, и Марин оказался позади быка.

Бык обезумел. Он кидался на тореадора, рыл песок, ревел и бесновался; а Хуан Марин безмятежно пританцовывал на песке, помахивая красным плащом. Боже, что он вытворял! Я глаз не мог от него отвести, так он был хорош в своей безрассудной игре со смертью. Он нахально поворачивался спиной к быку и шел, волоча по песку мулету, как ни в чем не бывало; бык несся за ним, но в самую последнюю секунду Марин, не оглядываясь, чуть изгибал спину, давая темной туше пролететь мимо. Он пробежал рядом с быком, нет – не пробежал, а пролетал в фантастическом танце, под яростно гремящий оркестр, на лету проводя рукой по выпуклому бычьему лбу или, – что, наверное, для быка было особенно оскорбительно, – по шершавым коричневым рогам, насмехаясь над этим убийственным орудием, бесполезным против него, тореадора.

Апофеозом этой схватки стал трюк, который Марин непринужденно проделал несколько раз, к радости и без того счастливых зрителей. Помахивая мулетой, он сам пошел навстречу быку, который не поверил своим глазам и встал как вкопанный посреди арены. Марин прошел близко-близко, бык только повел вслед ему выкаченными белками и забил копытом, готовый броситься на тореадора в любую секунду. Проскочив мимо залитого кровью шоколадного бока, на который свешивались пестрые лепестки бандериллий, Марин упал на колени, развернувшись к быку, и простер к нему руки, поводя мулетой. Бык с непостижимой быстротой бросился на тореро. У всех перехватило дыхание, потому что успеть встать из этой позы до броска животного было невозможно.

Невозможно, но не для Марина. Он опередил быка, видимо, на мгновение поверившего в возможность победы. Туша еще летела в прыжке к ненавистному красно-золотому костюму, а Марин уже вскочил на ноги, перебросил плащ через плечо и спокойно пошел по взрытому схваткой песку, доверчиво подставляя быку спину, словно издеваясь над его неповоротливостью.

Позволив трибунам вдоволь насладиться этим захватывающим зрелищем, Марин артистично вынул из мулеты спрятанную до поры до времени шпагу, пританцовывая, приблизился к быку и с одного удара заколол его. Я заметил, что Марин, в отличие от предыдущих тореро, ни разу не уронил клинка.

Размахивая белыми платками и майками, зрители выражали свой восторг увиденным. Марин между тем наклонился к поверженному быку, отрезал у него ухо и собрался было уходить, но рев зрителей заставил его задержаться. Трибуны бесновались; и повинувшись им, в ряду под оркестром поднялось одно из важных лиц и что-то сказала в микрофон. Зрители заревели еще сильнее, а Марин нагнулся к быку и отсек ему другое ухо, после чего ушел со своими трофеями.

Когда зашоренные лошади повезли с арены убитого быка, мне показалось, что его везли медленнее и почтительнее, чем быков, побежденных другими тореадорами.

После того как заровняли вспаханный копытами песок, Хуан Марин с таким же артистизмом задал новое представление, с другим быком. Я смотрел во все глаза, одновременно с восторгом испытывая тихую зависть. Секрет Марина, отличавший его от других, может быть,

тоже способных тореадоров, состоял в том, что он сам больше всех тащился от того, что делал. Они работали, а он получал удовольствие. Они были мастерами, а он в придачу еще и артистом. Они были сосредоточены на борьбе с быком, а Марин успевал не только провести поединок, но и поблистать перед зрителями; все свои трюки он проделывал, как будто приглашая народ порадоваться за него – вот как он умеет, и не просто умеет, а готов проделывать все это только ради нас, чтобы мы повеселились и попереживали за него.

Я восхищался его мастерством, грацией, веселым нравом и азартом. А завидовал потому, что сам давно уже не испытывал кайфа от того, что делал.

Россия, Санкт-Петербург, 2000–2002 гг

Проработав в городской прокуратуре семь лет, я стал там аксакалом. Старые следователи, настоящие зубры, которые еще при Сталине людей сажали, поумирали все или поуходили на пенсию, и руководство набрало в следственную часть зеленую молодежь. В основном парней, поэтому женского внимания мне приходилось искать на стороне. Были, правда, у нас в отделе две дамы с революционным блеском в глазах, но им уже уступали место в транспорте. Я их всерьез не воспринимал, только не в силу их возраста, а из-за того, что они слишком уж трепетно относились к своему месту в истории.

Проще было с молодежью. Одному такому молодому я передавал как-то свое дело по миллионному мошенничеству в банке и стал объяснять, что невредно бы допросить еще пару человек и устроить между ними очную ставку. В разгар своего рассказа я заметил, что молодой коллега как-то странно на меня смотрит.

– Ты чего? – спросил я.

– Ничего, – сказал он.

– Проведешь очную ставку?

– Проведу, – сказал он, – если вы мне расскажете, как ее проводить.

Тут уж я стал странно на него смотреть.

– Ты что, не знаешь, как очную ставку проводить? А как же ты работал?

– А я не работал, – сказал он жалобно, – то есть я всего три месяца работал. В районе.

А потом меня сюда взяли...

– Так ты ничего серьезного не расследовал?

– Расследовал, – прошептал он. – Развратные действия...

Правда, эти дети быстро осваивались в Управлении по расследованию особо важных дел, с солидным видом сидели на совещаниях и втихаря начинали решать какие-то вопросы. Вот эту науку они осваивали быстрее, чем тактику проведения очных ставок.

Да и обстановка была благодатная; все чаще у нас по Управлению с таинственным видом шлялись какие-нибудь опера, намекая на то, какую пользу обществу принесет немедленная посадка очередной фигуры крупного бизнеса, и как это тактически грамотно осуществить в интересах трудового народа, а именно: сначала разгромить офис и забрать компьютеры, а также всю документацию, а потом начать отнимать бизнес. Они так и выражались – «надо отнять бизнес». И в глазах у них при этом отражались толстые пачки денег, а у себя в кабинетах они дулись в преферанс на изыятых компьютерах.

Я с такими работать избегал, а некоторые наши молодые полюбили иметь с ними дело. Они заговорщицки шушукались по углам, и я все чаще слышал, что вот опять громко взяли какую-нибудь шишку, разнесли к черту его контору с помощью «масок-шоу», шишка посидела пару месяцев, после чего обвинения как-то тихо рассыпались, и шишка, не привлекая внимания, чудесным образом оказалась на свободе. Прямо как у Кони: я еще в универе читал его воспоминания про то, как он арестовал богатейшего купца Овсянникова, заподозренного в поджоге собственной мельницы с целью получения страховки; тогда еще зарубежные газеты

писали: мол, в России арестован одиннадцатикратный миллионер Овсянников, с нетерпением ждем момента, когда десятикратный миллионер Овсянников будет выпущен на свободу.

Дело-то, в общем, было беспроблемное. Освобожденные бизнесмены счастливы бывали до чертиков, что от них отстали, и никаких жалоб не писали на то, что непонятно с какого перепугу просидели в «Крестах» полгода, а за это перед ними даже не извинились.

Но ко мне с такими предложениями никто и не ходил. Сидел я себе в отделе по расследованию коррупции, тихо ковырялся во взятках и злоупотреблениях и ровным счетом ничего не зарабатывал, кроме своей зарплаты. Долго крепился, но в конце концов оскоромился: Коля Шевченко мне как-то привел своего приятеля, руководителя фирмы, и попросил помочь тому с договором. Я помог, добросовестно составил, приложил к договору распечатку законов, которые могли ему пригодиться, сделал это просто ради Коли, ни на какую благодарность и не рассчитывал. И был ошарашен, когда этот самый руководитель фирмы выложил мне на стол двести долларов.

Но я их взял. А он сказал, что ему нужен юрист, но не на постоянную работу, а так, без оформления – договорчик составить, претензию, сделки проконтролировать время от времени. И он желал бы расплачиваться наличными. Я немного подумал, ровно столько, сколько тратил заработанные двести баксов, и согласился. Вот и стал подрабатывать юристом на стороне. Поначалу моя законопослушная натура чувствовала себя некомфортно, но я утешался тем, что, по крайней мере, не беру взяток и не ворую. Услуг по крышеванию от меня мой работодатель не требовал, у него для этого был Коля Шевченко.

Конечно, двести левых баксов в месяц были приятным дополнением к прокурорской зарплате, но, как известно, с трудов праведных не наживешь палат каменных. Я, правда, сделал попытку нажить и через полгода купил за девятьсот долларов старую развалину, которую мне продали за «мерседес», я продавцу поверил на слово. Эта машина ломалась через каждые сто метров, и в придачу по прокуратуре поползли слухи, что наконец-то я приоткрыл свое истинное лицо и на полученные взятки обзавелся шикарной иномаркой.

После того как расходы на ремонт стали мне не по карману, я толкнул эту поганую колымагу, не без помощи Коли Шевченко, за пятьсот долларов. Опять я сделал все не так, мне надо было к Коле за помощью идти не когда я продавал ее, а когда покупал. И вот так всегда, когда я пытаюсь заниматься коммерцией. Может быть, у меня мозги как-то не так устроены?

Я задал этот вопрос Роме Авдееву и Коле Шевченко, когда мы с ними на вырученные деньги обмывали мое избавление от старушонки. Коля хмыкнул, а Авдеев на полном серьезе объяснил мне, что дело не в мозгах.

– С мозгами у тебя все в порядке, – сказал он. – Сколько лет тебя знаю, ты вон какие дела раскручиваешь. Знаешь, где копнуть, как прижать, понимаешь механизм, где, как и что потырили.

Я согласился, пока все было правильно.

– То есть в коммерции ты сечешь, не надо прибедняться, – продолжал он. – Просто у тебя форта нет. Ну, ты по жизни невезучий.

И я это запомнил и успокоился.

Нет, у нас в горпрокуратуре были, конечно, и ребята, готовые на подвиги. Они по молодости лет жаждали не только денег, но и славы и острых ощущений, чего мне уже было даром не надо. Ребята рвались порасследовать какие-нибудь громкие дела, которых следователи с опытом инстинктивно сторонились, вот как я, например. Я бы и дальше продолжал тихо ковыряться во взятках, если бы в моей спокойной жизни не возник однокурсник, сотрудник убийного отдела Петя Вишневский.

В июле 2002 года он вдруг приехал ко мне, объяснив по телефону, что у него есть срочное и секретное дело. Я послал практикантку в булочную за кексом, и пока гость ехал, я переживал – зачем я понадобился убийному отделу, да еще по срочному и секретному делу.

Петька между тем приехал со своим кексом. Мы сели на диванчик, налили чаю, и он, оглядев мой кабинет, поинтересовался, можно ли тут разговаривать.

– А ты что, собрался мне взятку предложить? – спросил я со смехом. Но Петька был серьезен.

– Хочу тебя попросить помочь нам. Нужен надежный следователь в горпрокуратуре, а кроме тебя, тут не на кого рассчитывать.

– Реализация? – догадливо усмехнулся я.

– До реализации еще далеко.

– Петро, но я в коррупционном отделе, – напомнил я Вишневному. – Убийства – это по другому ведомству, у нас есть отдел по расследованию убийств и бандитизма.

– Правильно, убийство там расследуется. А нам нужен ты.

– Ничего не понимаю.

Но Петя мне быстро все объяснил, и у меня засосало под ложечкой.

– Про убийство Суржицкого знаешь? – начал он.

Ну да, я краем уха слышал, что у кого-то из молодых есть дело по убийству директора таможенного терминала, его расстреляли в машине, прямо на переезде, когда он с семьей возвращался из своего загородного коттеджа в Питер. Даже я, выдавший виды следак, крикнул, когда увидел в новостях по телевизору его искореженный джип на железнодорожных путях. Суржицкий, подъехав в десять вечера к переезду, уже закрытому шлагбаумом, поставил рукоятку автоматической коробки своего «лэндкрузера» в нейтральное положение и стал ждать, пока пройдет поезд. Его жена сидела рядом с ним, на переднем сиденье, а на заднем были ребенок и собака, черный ризеншнауцер. За ним к переезду подъехал другой джип, естественно, с тонированными стеклами и без номеров.

У переезда стояли и другие машины. И все происходило на глазах у десятка водителей и пассажиров. Из джипа с тонированными стеклами вышел крепкий парень с бритым затылком, подошел к машине Суржицкого со стороны водителя и постучал тому в окно. Суржицкий опустил стекло; парень вытащил пистолет и выстрелил ему в голову. Потом оказалось, что двери машины были заблокированы, у Суржицкого это было на автомате: садясь в машину, он тут же блокировал все двери, поэтому жена и ребенок, десятилетний пацан, выбраться из машины не смогли. После того как Суржицкий был застрелен, из джипа с темными стеклами вышли еще двое, видимо, там остался только водитель за рулем. Они подошли к машине Суржицкого и оттолкали ее вперед, прямо на рельсы, сломав шлагбаум. Электричка была уже совсем близко, и машинист не успел затормозить. От машины, вместе с убитым Суржицким, его женой, собакой и ребенком, осталась маловразумительная груда обломков железа. Понаблюдав за тем, как электропоезд давит «лэндкрузер», послушав дикие вопли женщины и ребенка, под вой собаки киллеры сели в свой джип, развернулись и спокойно уехали. Никто их, конечно, преследовать не стал.

Я-то знал только фабулу и не интересовался причинами, по которым убили Суржицкого таким зверским способом. Но Петька мне все это любезно подсветил.

– Кому надо было грохнуть Суржицкого? Да еще так показательно? – спросил он меня, как на экзамене.

– Кому? – доверчиво переспросил я.

– Барбароссе, – разъярил Петька. – Ему нужно было поставить на место Суржицкого своего человека.

– А что, Суржицкого уволить не могли? Зачем сразу стрелять?

– Господи, да кто такой Суржицкий в битве гигантов? Он тоже был не сам по себе. Его тоже люди поставили и с него спрашивали.

– Ну ладно, а жену с ребенком зачем мочить? Это уже фашизм какой-то.

– Чтобы конкуренты все правильно поняли. Местечко освободилось, у Барбароссы есть кандидат на него, а остальных, желающих нажать с терминала, просят не беспокоиться. Типа, Барбаросса как поезд, все на своем пути сметет.

– Слушай, а что там, на терминале, можно нажать?

Петька прищурился.

– Ну ты даешь, следователь коррупционного отдела. Ты что, с таможенной дела не имел?

– Не-а.

Петр объяснил, что таможенный терминал – это коммерческое предприятие. В частности, это доступ ко всему таможенному конфискату, то есть миллионы долларов.

– Петька, но ведь Барбаросса уже и так миллионер. Да еще и депутат Госдумы. Куда ему еще бабки? Мало, что ли, тех, что есть?

– Господи, – вздохнул Вишневецкий. – Ты как ребенок. Денег чем больше, тем больше хочется. Но тебе этого не понять. Да у нас у всех мышление люмпенов. Я тут съездил на убой, в один охраняемый домик. Мы там просто заблудились, одних ванн с туалетами там штук восемь. Я уж про спальни не говорю, при каждой спальне еще и тренажерный зал. Правда, по одной спальне мозги размазаны... Я в свою коммуналку пришел и жене говорю – хотела бы ты, родная, квартиру в двадцать комнат? А она мне знаешь – что?

– Что?

– Не, не хочу. Это ж, говорит, замучаешься убирать.

– Так что, Барбаросса поставил своего человека?

– Поставил, – кивнул Петька. – Теперь директор таможенного терминала – наш однокурсник Игорь Николаевич Васнецов. Чего это ты скучился?

– Противно.

– А что тебе противно? Игорек давно при Барбароссе, практически со дня получения диплома. Преданность вознаграждается.

– Сам знаешь, что противно. От меня чего ты хочешь?

Петька принялся объяснять, чего он хочет от меня. Я скис окончательно; мало того, что знакомые все лица, так еще и полный унитаз политики. Этот идеалист Вишневецкий, одержимый манией всемирной справедливости, желает разоблачить господина Крутова, виновного в совершении как минимум пяти громких заказных убийств, невзирая на то, что господин Крутов мало того, что депутат, так еще и личный друг представителей высших эшелонов власти.

Петька нашел всех свидетелей расправы на железнодорожном переезде, вынул из них душу, разговорив даже тех, кто многократно в милиции и в прокуратуре повторил, что ничего не видел. На протокол они говорить отказались, а в частной беседе живописали подробности убийства и приметы убийц.

Вишневецкий рыл носом землю и установил исполнителей, которые, расстреляв Суржицкого, расправились с его семьей. Это оказались приезжие ребята, вернее, личная гвардия Барбароссы, которые постоянно жили за границей, в Европе, и сюда приезжали только для выполнения спецмероприятий. Петька раскопал их связь с Барбароссой, они въезжали в Россию и уезжали после выполнения заказа через одну и ту же турфирму, которой негласно владел господин Крутов. Конечно, фирма была зарегистрирована на другое лицо, и связь между исполнителями и Крутовым видна была только Петьке, поэтому дело было за малым: за доказательств. К Барбароссе, естественно, не подобраться, да если бы и подобрались – ручки коротки с его депутатской неприкосновенностью.

– Нам бы хоть исполнителей прихватить, уже хорошо. Только с нашим теперешним следствием каши не сварить. Наш молодой следопыт уже сунулся в одну крутовскую контору по нашей наводке. Только пыль поднял, а потом ему по ручкам дали и велели больше не возникать, вот он и не возникает.

– Думаешь, я вам встану на баррикады? – безнадежно спросил я, и Петька кивнул. Конечно, он так и думал.

– Миха, пойми, нам больше не к кому пойти. Следователь молодой, всего боится. Да еще и неопытный, не знает, как себя вести в нештатных ситуациях. Представляешь, он с обыском пришел в фирму, а его оттуда начальник безопасности за шкирку вытурил. И ничего, без последствий.

Он стал уговаривать меня поработать в контакте с налоговой полицией и ОБЭПом.

– Нам нужны данные, которые в турфирме хранятся. Там наверняка есть их фотографии – исполнителей убийства, а в компьютере визы, паспорта, анкеты. Нам все это нужно выщипать, но мы не можем туда сунуться с нашим молодым следопытом. Если начнем обыска санкционировать по делу об убийстве – это все. Кислород сразу перекроют. Да и данные из компьютера сотрут, и никогда мы уже ничего не выщипим.

– Хотите эффекта внезапности?

Петя мечтательно вздохнул.

– Ага. Придем туда, в турфирмочку, под невинным предлогом, под ручку с налоговой полицией, пожалте ваши документки, а не ведете ли вы расчеты в иностранной валюте? А не скрываете ли вы ваши комиссионные от налогообложения? И тэ дэ...

– И туда под ручку с налоговой должен идти я.

– Миха, а кроме тебя, некому.

– Ладно, – мрачно ответил я, в душе ругая себя тряпкой. – А никто не рюхнет, что под невинным предлогом туда придет аж городская прокуратура? Что, в районной никого нету?

– Нету, – ответил Вишневский. – Я уже был в районной прокуратуре. Прихожу к прокурору, говорю – нам реализоваться нужно, дай следователя. Он мне отвечает: в штате четыре следователя, один на курсах усовершенствования в Твери, вторая через неделю в декрет уйдет. Я, Миха, ее знаю, хорошая баба, но перед декретом в такие мероприятия лучше не соваться. А прокурор продолжает, мол, есть еще две стажерки, только-только из универа. У одной ноги от ушей, вторая грудастенькая такая, м-м! Тебе, говорит, какую – с ногами или с грудью? Я ему: знаешь, с кем спать, у меня есть; мне бы следователя. Ну, извини, говорит. Вот так и ушел не солоно хлебавши.

В общем, он меня уболтал.

– Тебе и ходить никуда не надо, – убеждал он, – ты нам дай поручение в письменном виде, а с налоговой мы договоримся. И с людьми мы сами поработаем, а ты только приедешь икрепишь наш успех.

– А что мы будем возбуждать? – поинтересовался я, когда Вишневский стоял уже на пороге, собираясь уходить. – Это в районе можно по дежурству выехать. А мне в городе надо иметь возбужденное дело. Да еще чтобы начальство поручило.

Петька крутанулся на каблуках, раздумывая.

– Ладно, не бойсь, организуем. А может, под какое-нибудь свое дело дашь поручение? Типа установить, не выезжал ли такой-то за границу...

– Не пойдет. Вам же надо сплошняком базу проверять. А так – пожалуйста, пришел в турфирму с запросом, не выезжал ли такой-то, получил ответ и ушел.

– Согласен.

Он вернулся к столу, и мы еще битый час обсуждали подробности операции. Так и не придумали, как сделать, чтобы возбужденное дело попало в городскую прокуратуру и именно ко мне.

– В конце концов, вы с проверкой туда придите, а потом уже я подключусь, – посоветовал я. – В законе написано, что следователь, получив сообщение о преступлении, обязан принять меры по сохранению следов преступления, а уж потом решать вопрос о подследственности.

Довольный Петька ушел. А через пару дней началась операция. С десяти утра я сидел в убойном отделе главка, что явилось моей основной ошибкой, и ждал вестей с фронта. В турфирму отправился налоговый полицейский, молодой парнишка по фамилии Сайков, имени его я так и не запомнил. Для поддержки штанов с ним пошли два обэповца из главка, район решили в это дело не впутывать, чтобы не допустить утечки информации, а также Петя Вишневский, в качестве координатора. К четырем часам я обалдел от безделья, перечитав все завалявшиеся в отделе газеты полувековой давности, включая те, что были подстелены под чайник с чашками, а сообщений от Вишневского все не было.

В четыре в отдел ворвались победные опера, волоча коробку с бумагами, изъятыми из офиса турфирмы, и компьютер оттуда же. В коридор посадили дозревать сотрудников фирмы, шокированных налетом, а Петька, торжествуя, помахал перед моим носом тремя фотографиями крепких джентльменов с квадратными подбородками.

– Есть! – проорал он. – И ксерокопии паспортов российских! И даты въезда-выезда совпадают!

Мы устроили краткое совещание по поводу процессуального оформления трофеев. Никаких особых нарушений, тянущих на состав преступления, налоговый и обэповцы там не выявили, но я по старой следственной привычке стал ковыряться в документах, привезенных ими из фирмы, и в одной папке обнаружил такой интересный набор бумажек: фотография молодого парня, ксерокопия его российского паспорта на одну фамилию и ксерокопия заграничного паспорта, с его же фотографией, но на абсолютно другое имя.

– Давайте-ка мне сотрудника, который вел этого клиента, – распорядился я, и Петька, быстро выяснив у руководителя фирмы, кто из его служащих компоновал эту папочку, привел и посадил передо мной испуганного молодца в дешевом костюме и галстук. Молодец был чуть ли не школьного возраста, подозрительно шмыгал носом, с трудом сдерживая слезы, и быстро поколосился на восемь эпизодов выдачи поддельных заграничных паспортов.

Обэповцы и налоговый Сайков воодушевились, перелопатили, уже под другим углом, всю документацию фирмы, и к полуночи мы имели картину хорошо налаженной индустрии изготовления поддельных документов. Петька Вишневский поднял весь отдел, опера всю ночь ездили по адресам и снимали клиентов, купивших поддельные паспорта, к утру в коридоре уже некуда было сажать задержанных. В основном это были субъекты, которым нужно было выехать за границу, а законным путем паспорт им не выдавали: например, несколько чуваков косили от армии и не имели военных билетов, а для получения загранпаспорта это необходимо; кроме того, среди клиентов турфирмы нашлись несколько человек, числящихся в розыске, а таким за границу путь тоже был закрыт, вот им и делали фальшивые паспорта на другую фамилию.

Утром в отдел прибыли корреспонденты городских средств массовой информации, вызванные замом начальника Управления уголовного розыска, что явилось второй глобальной ошибкой, допущенной нами за истекшие сутки.

Журналисты сфотографировали довольного руководителя Управления УР, двух обэповцев и Сайкова, а также всех задержанных и гору бумаг, изъятых из фирмы. Сюжет про разоблачение мошенников, торговавших «левыми» паспортами, прошел по всем программам новостей в Питере, а вечером был показан аж по НТВ, всех сотрудников турфирмы в суде арестовали без звука, в пять минут, я подобного даже не упомяну.

Дело распухло, было выявлено уже двадцать восемь преступных эпизодов, в газетах появились большие статьи про успешную совместную операцию прокуратуры, налоговой полиции и Управления по борьбе с экономическими преступлениями, поэтому начальство мое спокойно проглотило появление этого дела и мое участие в нем. Обэповцы и налоговая полиция поставили себе в отчет палочки, Вишневский получил, что хотел, и только я из непомерной своей доброты поимел кучу лишней работы и пахал, как бобик, без выходов.

Гром грянул через три дня. Меня вызвал начальник нашего коррупционного отдела и сухо поинтересовался, от кого я получил сообщение о преступлении, послужившее основанием для возбуждения уголовного дела, и каким образом я столь кстати оказался в убойном отделе на момент реализации. Я смутился.

Правду, про слезные просьбы моего старого кореша Пети Вишневого пособить им в поимке киллеров, говорить было ни в коем случае нельзя, это я чувствовал просто-таки мозжечком. Наврять что-нибудь правдоподобное про то, что будучи мимо проходя, я был затащен в Управление уголовного розыска и добровольно вписался в реализацию?

Пока я соображал, как выкручиваться, начальник мой поставил вопрос ребром: дело ему на стол, с постановлением о передаче в район и моим письменным объяснением, компьютер, изъятый из фирмы, немедленно вернуть.

Озадаченный, я вернулся к себе в кабинет, вытащил дело из сейфа и стал перебирать бумажки, раскладывая их по эпизодам. В принципе, мне не жалко было отдать дело в район, хоть и получалось, что я отработал на чужого дядю. Но почему вдруг компьютер вернуть?..

Компьютер стоял себе в убойном отделе, там спецы пытались взломать код и найти доступ к какой-то засекреченной информации, от которой открещивались арестованные сотрудники турфирмы. Никто из них не признавался, что это он ввел и закодировал какие-то сведения, и это возбуждало Петьку Вишневого все больше и больше. Открещивались-то наемные работники. А владелец фирмы и всего ее имущества, в том числе и компьютера, находился за границей, в рекламном туре, что означало поездку для специалистов туристического бизнеса, за символические деньги с ознакомительной целью – выбрать удобные туристические маршруты, опробовать новые гостиницы и поваляться на пляже, прикидывая, комфортно ли тут валяться. Петька с нетерпением ждал его возвращения, чтобы задать ему несколько вопросов. А если компьютер вернуть, то все вопросы снимаются. Владелец фирмы сотрет сведения с жесткого диска, а потом поднимет брови и спросит: «Какая еще засекреченная информация?» Вот и все.

Я поразмыслил и постучался в кабинет к начальнику с вопросом, а в чем, собственно, дело.

– Что, жалоба какая-нибудь пришла?

– Ну, жалоба, – проворчал начальник, перебирая бумажки на столе.

– А от кого? – не отставал я.

– А тебе-то что? – поднял он голову. – Ты мне дело давай подшивай и неси. И про компьютер не забудь.

– А можно жалобу-то прочитать? Мне ж объяснение писать, чего мне там предъявляют?

Начальник, помедлив, открыл ящик стола и швырнул передо мной бумагу, адресованную прокурору города, с указанием его фамилии, инициалов и классного чина. Подписана бумага была владельцем фирмы. Еще даже не прочитав ни слова, я расстроился. Все это свидетельствовало об участии адвоката, поскольку рядовые жалобщики писали просто прокурору города, в лучшем случае располагая почерпнутыми из газет сведениями о фамилии и инициалах. Что такое классный чин, знали только специалисты.

И еще один момент резанул мне глаз. На жалобе отсутствовали обычные штампы и резолюции, которые знаменуют прохождение бумаги через надлежащие инстанции. Не было входящего номера канцелярии, не приколот был конвертик, в котором жалоба могла прийти по почте, не было пометки «С личного приема», и еще – бумага даже не была сложена, имела девственный вид.

– Можно я возьму? – смиренно попросил я жалобу у начальника. – Пойду писать объяснение.

Начальник кивнул, желая от меня быстрее отделаться, а я вцепился в свой трофей, уволок его к себе и внимательно изучил. Написана жалоба была сжато, но доходчиво. Основной акцент делался на то, что все мероприятие дирижировалось отделом по раскрытию умышлен-

ных убийств ГУВД, поскольку туда были привезены изъятые объекты и задержанные люди. А это заставляло сомневаться в непредвзятости проведенной проверки и в достоверности ее результатов. Какое отношение этот отдел имел к расследованию мошенничества? Обстановка убийного отдела оказывала психологическое давление на сотрудников фирмы, что и повлияло на их необдуманные показания. Не исключено, что все это псевдогромкое дело было инспирировано конкурентами турфирмы, желающими вытеснить ее с рынка туристических услуг, чего проверяющие и добились. Потом высказывались обоснованные, в общем, подозрения в мой адрес, так как заявителя смущало присутствие в убийном отделе главка следователя по особо важным делам прокуратуры города, а не дежурного следователя районного управления внутренних дел. Я поразился такой глобальной осведомленности заявителя, простого российского турагента, о тонкостях организации следственной и оперативной работы.

Начитавшись, я достал из сейфа одно из своих последних дел. В нем лежали письменные указания моего начальника, отпечатанные на его лазерном принтере. Я положил две бумажки рядом и стал проводить криминалистические исследования. Смутные подозрения, бродившие у меня в мозгу, постепенно кристаллизовались в уверенность, когда я отметил еле видную серую полосу, оставленную принтером на краях обоих документов, и даже одинаково замявшиеся уголки финской бумаги, видимо, плотно слежавшейся в пачке. В одной пачке.

Механизм был ясен: к моему начальнику пришел либо его хороший знакомый, либо человек по рекомендации хорошего знакомого, в общем – персона, ради которой наш Иван Яковлевич готов был расстараться. Пришел, пожаловался на беспредел и спросил, как можно вытащить компьютер, пока уголовный розыск не добрался до секретной информации, не для уголовного розыска ее держали. Иван Яковлевич объяснил, что для того, чтобы он мог помочь вытащить компьютер, ему нужно какое-то процессуальное основание, например, заявление. Видимо, посетитель был не просто знакомым, а очень хорошим знакомым, или просили за него очень близкие люди, потому что Иван Яковлевич не стал гонять посетителя составлять жалобу, а с его слов накатал ее сам. Сам начальник коррупционного отдела Управления по расследованию особо важных дел прокуратуры города сидел за собственным компьютером и строчил жалобу на своего следователя.

С колотящимся сердцем я спустился вниз, к постовому милиционеру, и стараясь казаться спокойным, сказал:

– Коля, вчера к шефу мужик приходил, шеф просил его проблемой заняться, а я фамилию его вспомнить не могу. Дай журнал посмотреть.

Постовой Коля, не особо прислушивавшийся к моим сбивчивым объяснениям, развернул ко мне амбарную книгу, в которую записывались посетители прокуратуры, не обладавшие милицейскими и прокурорскими удостоверениями.

– На, сам ищи, – лениво сказал он, естественно, не подозревая меня ни в какой контрреволюции. И правда, я ж не диверсант с улицы, а свой человек, проверенный.

Я вцепился в книгу и стал водить пальцем по строчкам, сам не отдавая себе отчета, что я хочу найти. Жалоба была датирована вчерашним числом, я просмотрел страницы за три дня, включая сегодняшний, но фамилии заявителя так и не нашел. Зато сердце ухнуло и провалилось вниз, когда мой палец наткнулся на другую знакомую фамилию. Вчера к моему начальнику не приходил никакой владелец турфирмы; зато приходил мой однокурсник, бывший адвокат, а ныне – директор таможенного терминала, лицо, приближенное к императору, Игорь Николаевич Васнецов.

Испания, Коста Дорада, июль 2002 года

Когда все кончилось, тореадоры вышли на поклон. Они делали круг по арене, раскладываясь, улыбаясь, бросая в публику свои черные шапочки причудливой формы. Около неко-

торых зрителей они останавливались и выражали им особое почтение; так было перед ложей с тремя солидными господами, которые сидели прямо под оркестром, естественно, на стороне «Sombra», аккуратно напротив меня. Оркестр во время прохода тореадоров наяривал вовсю, мешая мне сосредоточиться.

Тем не менее я сгруппировался и приготовился. Но по мере приближения тореадоров я понял, что они одним кругом не ограничатся. И заметил еще кое-что. Некоторые счастливицы из первых рядов кидали тореадорам свои личные вещи – бейсболки, косынки, одна смуглая деваха с шикарной фигурой сорвала с себя футболку, оставшись без лифчика, и, восторженно вопя, бросила ее не кому-нибудь, а моему Хуану Марину, который во время этого прохода сорвал аплодисментов больше всех остальных тореадоров. При этом прыгающие вокруг испанские олухи глазели вовсе не на шикарный обнаженный бюст болельщицы, а на героя дня Хуана Марина.

Девушка, не переставая кричать: «Хуан, Хуан!», прицельно швырнула ему футболку прямо в руки, он ловко поймал ее и тут же швырнул ей назад. Правда, как настоящий мужик, он улыбнулся ей и послал воздушный поцелуй. Она словила футболку, поцеловала ее, как святыню, в восторге потрясла ею в поднятых руках и только после этого надела. Я заметил, что еще какой-то дядька бросил в Хуана панаму, тот поймал и сразу кинул обратно. Дядька взревел от благодарности и стал махать панамой, торжествуя поглядывая на окружающих.

Видимо, вещи, побывавшие в руках у удачливого тореадора после боя, приносили удачу и их владельцу. Я подумал, что мой довольно сложный план можно попробовать скорректировать. Тем более, я уже понял, что прыгнуть на арену и забежать в служебный ход мне не удастся, тореадоров бдительно охраняла полиция.

Скатав в шарик ненужный билет с моим корявым посланием, я сунул шарик в задний карман шортов и стал соскребать с этикетки на пустой бутылочке из-под минералки верхний синий слой. Мне нужно было получить белое поле и написать послание на нем.

Бумага сковыривалась еле-еле, тем более что я торопился. Наконец я разгреб белое местечко и лихорадочно нацарапал на нем шариковой ручкой то же, что и на билете: «*Sanct-Peterburg, Zhigulev agency. Autobus station 21.30*». Теперь надо было ждать, пока Марин в кругу почета поравняется с моей трибуной, и бросить ему бутылку, постаравшись как-то привлечь к ней его внимание. Хотя я искренне восторгался Марином, и мне было бы приятно получить сувенир из его рук, но все-таки просто бутылки, которой касался тореадор, было бы недостаточно. Мне-то нужно было установить связь с тем, ради кого я приехал сюда в Испанию. Другой возможности мне в ближайшее время не представится. Где искать этого чертова Марина, если я сегодня эту возможность потеряю, я не мог приложить ума. И, наверно, от отчаяния, что вдруг упущу свой единственный шанс, я, бросая в Марина бутылку, взвизгнул так громко, что все остальные тореадоры остановились и посмотрели на меня.

Марин без труда поймал мою бутылку одной рукой и – о, счастье! – нашел меня глазами. С криками: «Хуан, Хуан!», а орал я гораздо громче, чем грудастая испаночка, я изобразил рукой движение, будто я пишу в воздухе, моля Бога о том, чтобы Марин догадался – на бутылке что-то написано, и ему надо это прочитать, а остальные чтобы подумали, что я прошу автограф. До такого еще никто из поклонников корриды не додумался, но мало ли чего можно ожидать от безграмотных российских туристов!

Марин понял. Он слегка притормозил, протянул руку к полицейскому, стоявшему у барьера, тот передал ему ручку, и Марин расписался на бутылке, после чего швырнул ее мне.

Расточая улыбки, воздушные поцелуи и приветственные взмахи руками, Марин вместе с другими тореадорами продолжил свое триумфальное шествие. Я же чуть не грохнулся в проход, ловя бутылку. Не поймал, она укатилась под сиденья, и я полез в другой ряд. Ухватив бутылку, я выпрямился и почувствовал, что мгновенно вспотел, хоть выжимай. За два часа корриды, проведенные на солнцепеке, я так не взмок, как за десять секунд погони за бутылкой.

Прижав драгоценную добычу к груди, я стал пробираться к выходу с Плаза де Торос. Спустившись с трибуны в мрачное прохладное пространство, отделяющее зрительские места и арену от наружной стены, я перевел дух и, обнаружив мужской туалет, юркнул туда.

Там было пусто. Но я все равно забежал в кабинку, закрылся и только тогда взглянул на бутылку. Мое послание было перечеркнуто жирной энергичной линией, а ниже на белом отрывке этикетки размашистым почерком было написано по-русски: «Бар “Торо”, сразу».

Я ногтем заковырял остатки этикетки, сломал бутылочку, растоптал ее ногами и засунул в корзинку для туалетной бумаги. Не удовлетворился этим и носком спортивного тапка закопал ее в обрывки бумаги. Дорога моя теперь лежала в бар «Торо», единственный бар в Таррагоне, который я знал и в котором уже мог считать себя завсегдатаем.

Россия, Санкт-Петербург, июль 2002 года

Поднявшись к себе, я заперся и некоторое время сидел, тупо глядя в стену. Потом сунул жалобу в сейф и поехал к Петьке Вишневному. Надо было спасти компьютер. Я бы мог перевести стрелки на убойный отдел, сказав, что компьютер находится там, пусть заявитель едет туда и получает свое имущество; но убойный отдел в этой ситуации лучше было вообще не упоминать.

Мы с Петром вышли из главка, сели в маленькой кофейне и, взяв по чашке кофе, стали мозговать, как выходить из положения. В принципе, паники еще не было; ну да, жалоба – это неприятность, но я глупо полагал, что самое серьезное, что мне грозит, это выговор, да и то под вопросом. За что – за то, что дело возбудил? Так я действовал в рамках закона. Компьютер изъяли? Это не я изымал, оперативники.

Петька сбегал к стойке за коньяком, и мы опрокинули по пятьдесят граммов.

– Миха, если есть хоть малейшая возможность не отдавать компьютер, помоги, а? Печенкой чую, там что-то важное. Ты уж прости, что я тебя втравил в историю, – сказал он, чокаясь со мной.

– Да ладно, – отмахнулся я, играя в благородство. Ну, пострадаю за общее дело, не привыкать.

Мы договорились, что если вопрос встанет ребром, я повожу клиента за нос: «придите завтра», «звоните во вторник», «конечно-конечно, только нет ключа от камеры вещдоков» и т. п. Сегодня уже явно никто не придет, завтра я с утра уеду в тюрьму допрашивать, а там выходные...

Петька с виноватым видом вернулся в главк, а я поехал к себе. Поднявшись на этаж, я обнаружил, что около моей двери топчутся начальник отдела Иван Яковлевич, прокурор нашего отдела, который занимается рассмотрением жалоб на следователей, и девочка из канцелярии. У всех троих были похоронные лица.

– Ты где был? – без выражения спросил Иван Яковлевич.

– В главке, – не моргнув глазом ответил я. – А что?

– Я же тебе сказал, дело и компьютер.

Он не нажимал, нет, просто осведомлялся, только смотрел почему-то в сторону.

– Сейчас дам, – сказал я, открывая дверь. Все они вошли в кабинет вслед за мной и остановились у сейфа.

– Где компьютер? – продолжил Иван Яковлевич таким же неокрашенным голосом.

– Э-э, – проблеял я, лихорадочно соображая, что бы соврать. Возвращаясь в прокуратуру, я расслабился, не ожидая такого стремительного натиска, думал, что у меня есть время придумать отмазку. Ан нет.

– Завтра привезу, – наконец ответил я, поскольку все трое выжидательно смотрели на меня, и надо было что-то говорить.

Девочка из канцелярии возмущенно вскинула брови.

– Так, понятно, – решительно вступил прокурор отдела. – Пожалуйста, объяснение мне на стол. Сегодня же.

– По поводу? – спросил я, начиная злиться.

– По поводу утраты вещественного доказательства, – отчеканил прокурор и обратился к моему непосредственному начальнику. – Пошли, Иван Яковлевич.

У двери мой начальник обернулся.

– Я прокурору города пока не докладывал, – угрюмо сказал он. – Но чувствую, что придется.

Они вышли, а девочка из канцелярии осталась. Дождавшись, пока руководители плотно закроют дверь, она подошла ко мне.

– Михаил Геннадьевич, ну вы бы хоть предупреждали, – зашептала она. – Вы не представляете, какая буча тут была! Они ко мне пришли, взяли ключи от камеры вещдоков, лазили там. Ну, мне пришлось им сказать, что вы компьютер не сдавали... Ну понимаете, если бы вы предупредили...

– Ладно, – я потрепал ее по плечу. – Не переживай.

Она ушла с виноватым видом, а я выглянул в коридор, убедился, что там никого нет, в темпе закрыл кабинет и удрал, от греха подальше. Пусть прокурор отдела подождет меня с объяснением, не барин. Можно подумать, прокуратуре города делать больше нечего, как всем миром выцарапывать для безвестной турфирмы незаконно изъятый компьютер!

На следующий день я с утра стоял в очереди в бюро пропусков следственного изолятора, намереваясь знакомить с заключениями экспертиз всех своих арестованных. В принципе, срочности в этом не было никакой, но раз приходилось прятаться, можно было совместить приятное с полезным. Просочившись в следственные кабинеты, я отдал талончики на вызов заключенных, разложил на столе документы, достал купленные по дороге в метро газеты и журналы и приготовился сладостно бездельничать под официальным предлогом, пока мои подследственные будут читать экспертизы.

Не тут-то было! Мне еще не привели ни одного человека, а в кабинет уже заглянул зам-начальника изолятора и поманил меня пальцем.

– Иванов? – спросил он. – Из городской?

Я кивнул, и он сообщил, что меня ищет руководство.

– Идите в мой кабинет, к телефону.

Я поплелся к нему в кабинет, где на столе дожидалась меня телефонная трубка. Оттуда на меня зарычал прокурор отдела.

– Срочно в прокуратуру, срочно! Уже доложили прокурору города! – захлебывался он, и мне пришлось свернуть намеченное ознакомление обвиняемых с заключениями экспертиз, отметить пропуск и пилить на работу.

На работе за меня взялись по полной программе. Прокурор отдела уже не требовал, чтобы я писал объяснение. Меня, как подозреваемого, посадили в его кабинете, и я отвечал на вопросы, объяснение с моих слов писал он. Я рассказал легенду про то, как по делам заехал в ГУВД, там ко мне обратился заместитель начальника Управления уголовного розыска с просьбой возбудить уголовное дело по результатам реализации в турфирме (говоря это, я про себя молил Бога, чтобы не вызвали зама начальника УУРа, и он не признался бы, что впервые увидел меня на следующее утро после разгрома турфирмы), и про то, что первоначальные следственные действия было решено проводить в кабинетах отдела по раскрытию умышленных убийств просто потому, что там было больше места...

Прокурор отдела добросовестно записал весь этот лепет, но по-настоящему его интересовал только компьютер. К концу нашей беседы мне вдруг надоело оправдываться и на жестко поставленный вопрос: «Где компьютер?» я отвечать отказался.

– Так чего, утратил, что ли? – повеселев, спросил прокурор, что-то рисуя в объяснении. Мне даже показалось, что он испытал облегчение, решив, что компьютер присвоил кто-то из оперов. Такое бывало – изъятая техника кочевала по кабинетам, скрашивая ночные дежурства уголовному розыску, бесследно пропадали видео- и аудиокассеты, расползаясь по личному автотранспорту сотрудников милиции и прокуратуры. Только я еще в первые годы работы крепко-накрепко усвоил, что изъятая вещь – вещь неприкосновенная. Я даже чуть не поспорил со своими корешами-бэхами Ромой Авдеевым и Колей Шевченко, когда Николай попал в больницу со сломанной рукой, а Авдеев пришел ко мне клянчить портативный телевизор, изъятый ими накануне при обыске.

– Парню скучно в палате, – объяснил Рома свое намерение отнести телевизор Шевченко в больницу, – пусть хоть телик посмотрит.

К изумлению Ромы, я ответил отказом и добавил, что не понимаю, что чужое имущество может делать в палате, где лежит оперуполномоченный ОБХСС.

– Так ты же дело все равно в суд отправишь, – возразил Авдеев.

– Ну и что? Не вижу связи.

– Как что? Клиент сидит в тюрьме, на телик наложен арест, да пока еще дело в суде рассмотрят... Что, от ящика убудет, что ли, если он две недели постоит у Кольки в больнице?

Но я был непреклонен. Это не мое имущество; и не Коли Шевченко, и даже не милиции, прокуратуры и суда. Это чужое имущество, и место ему в камере вещдоков. Я даже не ставил себе в кабинет изъятые видики и музыкальные центры, что делали, по-моему, все вокруг. Не ставил, и все, и при этом не объявлял себя идеалом честности и порядочности, просто мне лично так было спокойнее.

И прокурор, который отбирал у меня объяснение, прекрасно знал, что у меня, в отличие от большинства моих коллег, никогда не было неприятностей с вещдоками. Чему он радуется, было непонятно. Я все еще недооценивал серьезность ситуации, считая, что в самом крайнем случае отделаюсь выговором. Подписав объяснение, я с облегчением пошел к себе, сел за собственный компьютер и, чтобы развеяться, сыграл в преферанс на раздевание. Сыграл раз, другой, и сам не заметил, как пролетело два часа. От полуобнаженной девушки на экране, расплывающейся предметами своего нижнего белья за проигрыш машины, меня отвлек телефонный звонок. Петька Вишневский, явно закрывая трубку рукой, встревоженным шепотом поведал, что к ним в УР приехал заместитель начальника Управления по расследованию особо важных дел прокуратуры города и сейчас сидит у начальника Петькиного отдела с постановлением на обыск.

– Не понял, какой обыск? Где? – я искренне не понял, с трудом переключаясь с пышного бюста компьютерной герл на прозу жизни.

– Чего ты не понял? – прошипел Петр. – Наш отдел будут обыскивать, компьютер искать.

– А где компьютер? – спросил я, проникаясь серьезностью момента.

– В надежном месте, – прошептал в ответ Вишневский и отключился.

Некоторое время я сидел, стукнутый по голове новостью. Если проводят обыск, значит, возбудили уголовное дело, чтобы достать компьютер из наших лап. Господи, что же там такое, в этом компьютере, раз из-за него поднялась такая суета? Не иначе как списки убитых по приказу Барбароссы, с поименным указателем киллеров, исполнявших заказы, и с расценками; ну не списки же очередных покупателей липовых паспортов, раз мое начальство спокойно проглотило двадцать восемь эпизодов изготовления поддельных документов.

Потом я прикинул, а по какой статье и по какому факту возбудили уголовное дело. По факту халатности, выразившейся в утрате вещественного доказательства? Если да, то это дело возбуждено в отношении меня. Следовательно, и только следователь отвечает за ценности, изъятые по делу. Да ладно, отмахнулся я от собственных мыслей; не потянут же меня к уголовной ответственности, найдут компьютер и успокоятся. Но тут же спохватился – как же они его

найдут, Петька ведь сказал, что спрятал его в надежное место... И мне стало страшно. Отстранение от должности, увольнение, предъявление обвинения, не дай бог, арест... И за что? А ни за что. Ничего я не поимел с этой реализации, кроме головной боли и неприятностей.

Единственным выходом из этой ситуации мне представилась выдача компьютера заинтересованным лицам. Но совсем уж сдаваться не хотелось, хотелось попытаться оставить за собой последнее слово или хотя бы оттянуть финал. Поэтому я отсоединил провода от системного блока компьютера, стоявшего у меня в кабинете, с трудом засунул его в мешок, осторожно высунул нос из кабинета, прокрался по коридору, волоча мешок с винчестером, на площади поймал тачку и рванул в главк. Попросив остановить машину за углом, возле кафе, где мы с Вишневым выработывали стратегические планы, я заволок в кафе свою поклажу, упал за столик и попросил официантку дать мне телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.